

АЛЪМАНАХ САМИЗДАТА

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ МЫСЛЬ В СССР

№ 1

1974

ANNALS OF SAMIZDAT

UNCENSORED THOUGHT IN THE U.S.S.R.

No. I

1974

1974

АМСТЕРДАМ

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

«Альманах самиздата» издается Фондом имени Герцена (Alexander Herzen Foundation, Amstel 268, Amsterdam, Holland) на русском и на английском языках отдельными изданиями (название английского издания *Annals of Samizdat*).

Условия подписки (без пересылки): за 4 выпуска —
на русском языке 2 англ. фунта (5 долл. США),
на английском языке 2,60 англ. фунта (6,50 долл. США).

Всю корреспонденцию и заказы на подписку направлять по адресу: Leonid Rigerman, 28 East End Road, London, N3 3QT, United Kingdom.

Annals of Samizdat is published by the Alexander Herzen Foundation, Amstel 268, Amsterdam, Holland, in two separate editions — in Russian and in English (the title in Russian is *Almanakh Samizdata*).

Subscriptions (excluding postage): for 4 issues —
Russian edition £2.00 (US \$5.00).
English edition £2.60 (US \$6.50).

All correspondence and subscriptions should be addressed to:
Leonid Rigerman, 28 East End Road, London, N3 3QT,
United Kingdom.

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА

№ 1

1974

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5-6
1. САМИЗДАТ О ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ	
А. Сахаров: Открытое письмо Академику Энгельгардту, 29 марта 1974 г.	9
М. Агурский: Обращение к американской интеллигенции, 30 января 1974 г.	11
М. Агурский: Экономическая система Востока и Запада, 4 декабря 1973 г.	15
2. АВТОРЫ САМИЗДАТА О СЕБЕ	
Т. Ходорович: По велению совести, декабрь 1973	35
К. Любарский: Последнее слово, 30 октября 1972 г.	39
В. Марамзин: Заявление, 30 мая 1974 г.	51
В. Войнович: Заявление, 19 февраля 1974 г.	53
М. Нарциса: Мое завещание, 2 октября 1973 г.	55
Е. Эткинд: Заявление для печати, 3 мая 1974 г.	57
3. АВТОРЫ САМИЗДАТА В ЗАЩИТУ ПРЕСЛЕДУЕМЫХ ЗА СВОИ УБЕЖДЕНИЯ	
Т. Ходорович: Я больше не выдержу! 3 апреля 1974 г.	62
Т. Ходорович: Обращение и очерк «Наказание безумием», июнь 1973 г.	64-65
Н. Буковская: Открытое письмо в Эмнестии Интернешнл, 27 февраля 1974 г.	85
Л. Регельсон: Обращение, 30 марта 1974 г.	88
А. Гинзбург: Заявление для печати, 21 апреля 1974 г.	92
Коллективное Обращение немцев, июль 1974 г.	93
4. АВТОРЫ САМИЗДАТА ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ	
В. Войнович: Открытое письмо Председателю ВААП, 2 октября 1973 года	98
5. АВТОРЫ САМИЗДАТА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Обращение 6-и заключенных в Московский Комитет прав человека, март-апрель 1974 года	103

ANNALS OF SAMIZDAT

No. I

1974

TABLE OF CONTENTS

	<i>Page</i>
FROM THE PUBLISHER	5-6
1. SAMIZDAT AUTHORS ON EAST AND WEST	
Andrei <i>Sakharov</i> : Open Letter to Academician Engelgardt, March 29, 1974	9
Mikhail <i>Agursky</i> : Message to American Intellectuals, January 30, 1974	11
Mikhail <i>Agursky</i> : Economic Systems of East and West, December 4, 1973	15
2. SAMIZDAT AUTHORS ABOUT THEMSELVES	
Tatyana <i>Khodorovich</i> : As Conscience Dictates, December 1973	
Kronid <i>Lyubarsky</i> : Last Plea, October 30, 1972	39
Vladimir <i>Maramzin</i> : Statement, May 30, 1974	51
Vladimir <i>Voinovich</i> : Statement, February 19, 1974	53
Mikhail <i>Naritsa</i> : My Testament, October 2, 1973	55
Efim <i>Etkind</i> : Statement for the Press, May 3, 1973	57
3. SAMIZDAT AUTHORS IN DEFENCE OF THOSE PERSECUTED FOR THEIR CONVICTIONS	
Tatyana <i>Khodorovich</i> : I Can Bear It No Longer! (In defence of Valentin Moroz), April 3, 1974	62
Tatyana <i>Khodorovich</i> : Public Appeal and an Essay "Punished by Insanity" (In defence of Leonid Plyushch), June 1973	64-65
Nina <i>Bukovskaya</i> : Open Letter to Amnesty International (In defence of her son Vladimir Bukovsky), February 27, 1974	85
Lev <i>Regelson</i> : Public Appeal (In defence of Eduard Naumov), March 30, 1974	88
Alexander <i>Ginzburg</i> : Statement for the Press, April 21, 1974	92
Public Statement of Ethnic Germans, July 1974	93
4. SAMIZDAT AUTHORS ON COPYRIGHT	
Vladimir <i>Voinovich</i> : Open Letter to the Chairman of the Soviet Copyright Agency, October 2, 1973	98
5. AUTHORS OF SAMIZDAT FROM A PLACE OF IMPRISONMENT	
Public Appeal of six Prisoners to the Moscow Human Rights Committee, March-April 1974	101

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА это периодический сборник материалов, являющихся выражением свободной общественной мысли в СССР. Из-за цензуры печати эти материалы не могут быть опубликованы в СССР и как правило распространяются там в машинописной форме, ставшей известной под названием «самиздат».

Под материалом самиздата понимается любой текст свободный от государственной цензуры. Им может быть роман, эссе или научное исследование; им может быть неопубликованный закон или официальный документ, постановление или приговор суда; им может быть открытое письмо, публичное заявление или обращение; наконец им может быть текст интервью, протокол собрания или обыска, или текст последнего слова.

Следуя установленной традиции Фонда имени Герцена *АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА* публикует материалы самиздата имеющие публицистическую или документальную ценность независимо от характера высказываемых взглядов, описываемого события или публикуемого документа. Также в соответствии с традицией Фонда имени Герцена *АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА* как правило публикует только работы авторов живущих в СССР.

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА
АМСТЕРДАМ 1974

FROM THE PUBLISHER

ANNALS OF SAMIZDAT is a periodical collection of materials which are expressions of free thought and opinion in the U.S.S.R. These materials cannot be published in the U.S.S.R. because of censorship and usually are distributed there in a manuscript form which became known under the name *samizdat*.

The Russian word "*samizdat*", which means literally "published by oneself", came to represent any piece of writing free of government censorship. It may be a novel, an essay or a study; it may be an unpublished law, an unpublished official document or a court judgement; it may be an open letter, a public statement or an appeal; finally it may be a text of an interview, minutes of a meeting, record of an interrogation, search or seizure, or a last plea.

ANNALS OF SAMIZDAT publishes materials of literary or documentary value without espousing or endorsing the views and opinions expressed by its authors. In the tradition of the Alexander Herzen Foundation materials published in the *ANNALS OF SAMIZDAT* are in general the works of authors living in the U.S.S.R.

1. Самиздат о Западе и Востоке

Андрей САХАРОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АКАДЕМИКУ В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ*

Мне стало известно, что во время Вашего визита в США и Европу, Вы сочли необходимым вести со многими учеными и общественными деятелями посещенных Вами стран такие беседы обо мне, которые я не могу расценивать иначе, чем удар в спину. Смысл этих бесед сводился, как мне передавали, к следующему тезису: «Крайне нежелательны открытые выступления в защиту позиции Сахарова, его лично и его семьи. В частности, выступления подобные по тону и содержанию известному письму Президента Национальной Академии Наук США доктора Хэндлера». Такие выступления, по Вашим словам, только вредят Сахарову и одновременно международному сотрудничеству, а вот письмо, подписанное 40 академиками (на самом деле, послужившее сигналом начала травли), якобы спасло Сахарова от более серьезной опасности. Ваши беседы, как передают, проходили в форме показного доброжелательства ко мне и моей позиции, хотя и с некоторой дозой снисходительности к моей наивности, неосторожности и неопытности. Вы не поколебались бросить свой авторитет крупного ученого-биохимика вместе с известностью одного из противников недавних лженаучных искривлений в советской биологии для этой сомнительной пропагандистской кампании.

Я не хочу гадать зачем это Вам понадобилось, кто толкнул Вас на подобные шаги, но вынужден высказать публично свое отношение к существу вопроса. Попытка обсудить его с Вами успехом не увенчалась. Свою позицию по различным вопросам общественной жизни я выражаю всегда открыто, не претендуя на окончательное решение сложных вопросов, я призываю к гласному их обсуждению. Открытый характер имеют также все мои индивидуальные или коллективные выступления, которые преследуют цель защиты жертв судебной, психиатрической или иной расправы по политическим мотивам. Я сам сознательно выбрал линию жизни, линию поведения, может быть далекую от прагматизма в личном плане, но не Вам это корректировать. Я убежден, что моя позиция, мои права, безопасность членов моей семьи могут быть эффективно

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1651.

защищены только открытыми решительными выступлениями. Я благодарен тем, кто в СССР и за рубежом открыто выступал в поддержку моей позиции и мою защиту . . . И сегодня я вновь призываю мировую общественность открыто поддержать мои обращения по общим и конкретным вопросам — мое письмо Конгрессу США по вопросу выезда из страны, обращение к профсоюзам и социал-демократам США, Московское обращение, обращения в защиту Буковского, Григоренко, Плюща, Глузмана, Хаустова и других жертв репрессий. Но я вынужден также просить мировую общественность защищать меня и в личном плане, и в первую очередь в лице членов моей семьи.

Я не стал бы об этом писать, если бы у меня не создалось впечатление, что шаги, предпринятые академиком Энгельгардтом, были не совсем безуспешны. Я напоминаю об угрозе судебного преследования моей жены. Совсем недавно в приговоре по делу Виктора Хаустова вновь содержались обвинения и ей. Я напоминаю об угрозах полковника КГБ, допрашивавшего мою жену, в адрес ее детей. Я напоминаю, что дочь моей жены — Таня Семенова, лишена возможности получения высшего образования в СССР. В ноябре прошлого года меня пригласил телефонным звонком заместитель председателя Совета Министров СССР академик Кирилин. Он вел со мной «воспитательную» беседу, сказав при этом, что выступлений моих не читал. Я просил его о восстановлении Тани на последнем курсе МГУ, где она училась и передал ему соответствующий документ. Недавно, посыльный от Кирилина принес нам домой конверт с этими документами без каких бы то ни было объяснений.

В создавшемся положении я прошу поддержать заявление детей — Алеши Семенова, Тани Семеновой и ее мужа Ефрема Янкелевича о поездке в США для учебы по вызову Массачусетского Технологического института и помочь преодолеть сопротивление этому советских властей. В мае прошлого года авторитетные советские представители, в том числе посол СССР в США, обещали президенту МТИ решить вопрос об их поездке, но уже год как он все еще рассматривается.

29 марта 1974 г.

ОБРАЩЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

Я не собирался писать это письмо. Но произошло событие, сделавшее это для меня нравственной необходимостью. В газете «Советская культура» за 25 января была помещена исключительная по своей лживости и лицемерию статья вашего соотечественника А. Кана против Солженицына. Редакция газеты назвала А. Кана «известным американским писателем и публицистом». Я стал напряженно припоминать это имя. Оно пробуждало во мне очень неприятные, но неопределенные ассоциации. Я обратился за справкой в советскую «Литературную энциклопедию» и нашел там это имя. Там сказано, что Альберт Юджин Кан (р. 1912) — американский публицист, автор многих книг, в т. ч.: «Заговор против мира», где он изобличил гитлеровскую военщину; «Тайная война против Америки», где он вскрыл подрывной характер немецкой «пятой колонны» в США; «Измена родине», где он осудил преследование прогрессивных деятелей в США; «Время решений», где он призывает к миру и, наконец, «Дни с Улановой». Все эти книги немедленно переводились на русский язык, начиная с 1945 г.

Но эта справка не рассеяла все же странного ощущения недосказанного. Что-то неясное и очень неприятное оставалось в моем сознании. И вдруг я вспомнил... Да не тот ли это самый Кан, который вместе с неким М. Сейерсом был автором одного из главных бестселлеров послевоенной России, носившим название «Тайная война против Советской России»? Я вспоминал, как будучи подростком, я с отвращением держал эту книгу, где передавались все чудовищные измышления, почерпнутые авторами из официальных советских отчетов о публичных процессах в период кровавых чисток, начиная с 20-х гг.

Я, сын американского социалиста и одного из организаторов компартии США, приехавшего искать правду в России в 1917 г. и занявшего тут высокий пост, а затем арестованного в 38 г., знал правду о массовом терроре с детства. Я знал о том, что миллионы людей были арестованы, расстреляны, сосланы, оклеветаны. Я

*) Перепечатано из Материалов Самиздата. Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1601.

прожил несколько лет с отцом в ссылке и сам видел страдания тысяч людей.

Я понимал страх своих соотечественников перед террором, когда все вынуждены были повторять лживые утверждения пропаганды, но в моей голове не могло тогда уложиться, как люди, живущие в свободной стране и никем не принуждаемые, повторяют эту чудовищную ложь. И тогда без всяких юридических улик я решил про себя, что Сейерс и Кан — люди заведомо нечестные и подкупленные сталинским режимом. Их книги, решил я, громадными тиражами издаются в СССР, им платят здесь огромные деньги только для того, чтобы убедить советских людей, что чудовищная ложь, измышленная режимом, разделяется всем миром.

Таково было мое первое впечатление от книги Сейерса и Кана. Меня не очень удивило, что она не упомянута в «Литературной энциклопедии». Я решил, что она и вовсе изъята из советских библиотек, как это слишком часто бывает в СССР со ставшей нежелательной литературой, подобно тому как это делалось в известном романе Орвелла. Все же я отправился в библиотеку и к некоторому удивлению обнаружил книгу Сейерса и Кана на месте и вскоре держал в руках как ее русский, так и английский экземпляр.

Такого апофеоза сталинизма я уже давно не видывал. Трудно придумать худшее надругательство над десятками миллионов людей, погибших в огромной тюрьме, которую представлял СССР. Авторы в предисловии сообщают, что они почерпнули их из официальных документов. Это верно, но они не только заимствовали их без всякой критики, но и добавили туда собственную оценку, связав весь материал так, чтобы тот был более выгодным для СССР в пропагандистском отношении. Более того, они явно приспособливали свой материал для советского читателя послевоенного времени, удаляя из него все, что стало неудобным для СССР, как например, имя наркома внутренних дел Ежова, имя которого до конца 38 г. не сходило с советской печати, как главного помощника Сталина в чистках.

Смотрите, как лихо они писали о положении в СССР в 1934 г., чтобы оправдать в глазах читателя массовый террор 36–38 гг. Таких слов нельзя было, пожалуй, найти ни в одном советском документе: «К осени 1934 г. троцкистские и правые террористические группы действовали по всему Советскому Союзу. В состав этих террористических групп входили бывшие эсеры, меньшевики, профессиональные убийцы и бывшие агенты царской охраны. На Украине, и в Белоруссии, в Грузии и Армении, в Узбекистане, Азербайджане и в Приморской области на Дальнем Востоке в террористический аппарат вербовались фашисты и антисоветски настроенные нацио-

налисты. Во многих местах операциями этих групп непосредственно руководили нацистские и японские агенты. Был составлен список вождей, которых намечалось убить. Во главе списка стояло имя И. Сталина. Далее следовали имена К. Ворошилова, В. Молотова, С. Кирова, Л. Кагановича, А. Жданова . . .» (стр. 276-277).

Перечитав это, я пришел к выводу, что мои юношеские впечатления о Кане и Сейерсе были вполне справедливыми, но быть может чересчур мягкими.

Неудивительно поэтому, что тот же самый животный страх перед разоблачениями Солженицына, охвативший многих высокопоставленных лиц в СССР, охватил и отвратительного лгуна Кана. В бешенстве и вновь не бесплатно он принялся обвинять во лжи Солженицына, снова кощунствуя над памятью десятков миллионов жертв террора.

Полемизировать с Каном бессмысленно. Я хотел бы обратить внимание только на одно место из его статьи, касающееся положения евреев. Кан отрицает утверждения Солженицына о готовившемся массовом погроме евреев. Будучи сам евреем, я слишком хорошо помню события начала 1953 г., последовавшие вслед за арестом врачей. Я хочу заявить, что все, о чем говорит Солженицын, есть чистая правда, и только смерть Сталина спасла евреев от грозившей беды. Солженицын не первый сказал об этом. Среди многих говорила об этом и дочь Сталина — Аллилуева.

Непонятно лишь, почему погром против евреев и государственный антисемитизм в СССР кажутся столь невероятными событиями после того, как в 1943-44 гг. был произведен массовый погром крымских татар, чеченцев, калмыков, балкар и др. национальностей. Их судьбу мог разделить любой народ страны.

Разумеется, Альберты Каны или же Гэсы Холлы, делающие отличный бизнес на страданиях советского народа — это крайности среди американского народа. Но я бы не обращался к американской интеллигенции, если бы не знал, что в ее среде продолжают жить еще различные иллюзии по отношению к тому, что происходило и происходит в СССР. Во многом это является следствием лживой информации, распространявшейся за пределами СССР с помощью подставных лиц вроде Кана. Но во многом это следствие политической наивности американской интеллигенции, которой трудно представить себе размеры этой лжи. Жертвой этой наивности оказывались и видные государственные деятели. Летом 1941 года посол США в СССР Д. Дэвис писал (цитируется по книге Сейерса и Кана) о массовом терроре в СССР в предвоенное время:

«Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так

шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменнических элементов. Все сомнения разрешились в пользу правительства». В России, в 1941 г. не оказалось представителей «пятой колонны» — они были расстреляны. Чистки навели порядок в стране и освободили ее от измены» (стр. 351).

Что может быть ошибочнее и кощунственнее этих слов? Массовый террор не был направлен против мнимых шпионов и террористов. Он был направлен против всего народа.

Советская пропаганда, а по ее указке и Кан, называет Солженицына контрреволюционером. Да, если считать массовый террор, унесший десятки миллионы жизней, революцией, то он действительно «контрреволюционер».

Я не разделяю убеждений своего отца. Я знаю, что он, способствуя нелегальной организации компартии, нарушал законы США, куда тайно ездил по поручению Ленина. Но я знаю, что мой отец был честным человеком и то, что американские коммунисты и некоторые им сочувствующие из среды американской интеллигенции улюлюкают над могилами десятков миллионов жертв террора: коммунистов и некоммунистов; интеллигентов, рабочих и крестьян; атеистов и верующих; русских, евреев, украинцев, грузин, литовцев, узбеков привело бы его, испытавшего на себе советские тюрьмы, в гнев. Ему было бы особенно стыдно за то, что он подготовил почву для таких людей, как Гэс Холл или Альберт Кан, имя которых в России без отвращения не может произнести ни один честный человек.

Во имя памяти десятков миллионов невинно замученных людей я призываю американскую интеллигенцию отказаться от своих иллюзий по отношению к тому, что происходило на великом Архипелаге.

Ищите своих путей достижения социальной справедливости и свободы, но знайте, что отождествляя свои идеалы хоть в какой-то степени с государственным строем, царящим на Востоке, вы тем самым можете оказаться на краю катастрофы. Я, однако, уверен, что этого с вами не произойдет, если вы поймете, что Воркута, Колыма, Лубянка, Соловки не лучше Освенцима и Майданека.

30 января 1974 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОСТОКА И ЗАПАДА*

Многие в наше время считают основным конфликтом современного мира конфликт между социализмом, утвердившимся на Востоке, и капитализмом, царящим на Западе.

Сторонники социализма на Западе, количество которых постоянно растет, осознают, что в странах т. н. «социалистического» лагеря существует много очевидных недостатков, но будучи убеждены в том, что в них достигнута главная цель научного социализма — обобществление средств производства, воспринимают эти недостатки как нечто преходящее и легко исправимое. Отсутствие элементарных личных прав, вопиющую несправедливость, национальную дискриминацию, агрессивную внешнюю политику они считают частным явлением, которое можно легко устранить, приняв какую-либо резолюцию на очередном съезде партии.

Такая позиция вполне понятна и объяснима, поскольку иначе этим людям пришлось бы объявить порочной саму идею социальной справедливости, лежащую в основе социализма. Все это создает совершенно поразительный феномен. Сторонники социализма в западных странах, резко и справедливо протестуя против малейших ущемлений прав человека у себя, с поразительным равнодушием относятся к совершаемому в странах «социалистического» лагеря, порою в сотни и тысячи раз превосходящему нарушения прав человека в капиталистических странах.

Но подобная позиция отнюдь не объясняется нравственной слепотой или тупым равнодушием этих людей, во всяком случае их большинства, к человеческим страданиям. Дело в том, что многие сторонники социализма в капиталистических странах Запада до сих пор не осознали, что социально-экономический строй «социалистического» лагеря отнюдь не является социалистическим, а представляет одну из форм государственно-монополистического капитализма, который в некоторых отношениях гораздо дальше отстоит от идеалов социальной справедливости, чем частно-капиталистический строй, господствующий на Западе.

С другой стороны, как государственно-монополистический капитализм, так и частно-капиталистический строй обнаруживают су-

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1617.

щественное родство, а противоречия между ними представляют лишь противоречия внутри мировой капиталистической системы. Более того, существует сильная взаимосвязь между капитализмом обоих типов, которые дополняют друг друга.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ И ЧАСТНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Почему же строй стран т. н. «социалистического» лагеря следует считать формой государственно-монополистического капитализма?

Дело заключается в том, что само существование крупной индустрии неизбежно порождает капиталистический характер социального строя, а ее национализация не делает рабочих хозяевами средств производства. Современное крупное предприятие имеет такие размеры и такой уровень разделения труда, что рабочие, не обладающие достаточной компетентностью, не могут им эффективно управлять. Причем это не могут делать даже специалисты-инженеры. Независимо от того, является ли предприятие предметом частной собственности или же национализировано, управление им не может производиться некомпетентным работником, какова бы ни была провозглашенная система управления предприятием.

Можно, разумеется, хорошо обеспечить любого работника такого предприятия, но это не делает его хозяином. Даже если ввести эффективный рабочий контроль, он может затронуть лишь второстепенные производственные функции, поскольку не может быть распространен на вопросы, требующие специальной компетенции, которые-то и оказываются решающими при управлении предприятием. Безусловно наличие рабочего контроля может ограничить произвол администрации в некоторых вопросах, но никогда не повлияет на ключевые функции управления, выбор технической политики, направление капиталовложений, подбор специалистов и их расстановку и т. п.

Если же рабочий контроль начнет вмешиваться в управление некомпетентно, это сразу отрицательно скажется на показателях производства, после чего ему придется отказаться от подобного вмешательства в собственных интересах.

В том же случае, если кто-либо из рабочих, приобретя соответствующую компетентность, покидает физический труд и переходит к управлению, он перестает быть рабочим, будь то Форд или Хрущев.

Национализация крупной индустрии не приводит к переходу ее под контроль рабочих. Что же касается т. н. «общенародной» собственности на средства производства, то она оказывается еще большей фикцией, поскольку для управления крупной индустрией в общегосударственном масштабе нужна еще большая компетен-

ция, а средства контроля этого управления некомпетентными людьми крайне ограничены.

Тем самым контроль крупной индустрии со стороны самих производителей невозможен, так что национализация крупной индустрии передает ее из рук частных владельцев в руки государства, которое превращается в огромную и всесильную общегосударственную монополистическую корпорацию. Такая корпорация начинает жить и работать по законам любой монополистической корпорации, не встречая, однако, внутри своей страны никакого сопротивления.

В точности так же, как и техноструктуры, о которых говорит Д. Гэлбрайт, такая общегосударственная корпорация начинает в первую очередь стремиться к самосохранению. С этой целью указанная корпорация оформляет свой персональный состав, доступ в который определяется, однако, уже не имущественным положением, как в условиях частнокапиталистического строя, а другими социальными условиями, как, например, готовностью служить интересам данной корпорации и быть верным круговой поруке.

Одним из необходимых, но недостаточных условий этого является членство в партии.

Итак, крупная индустрия одним своим существованием делает невозможным ее управление рабочими. Но это не единственное качество крупной индустрии. Будучи создана, она при любой форме управления ею, превращается в некий самостоятельный фактор, начинающий активно влиять на экономику. В особенности, это касается тех отраслей крупной индустрии, которые заняты массовым производством той или иной продукции.

Будучи раз создана, такая, например, отрасль промышленности, как автомобильная, в свой первый период существования занята тем, что удовлетворяет первичный спрос на автомобили. Как только, однако, спрос этот насыщается, эта отрасль оказывается перед угрозой сильного спада, что естественно представляется катастрофическим как для руководства той или иной фирмы в условиях частнокапиталистической системы, так и для государства в условиях государственно-монополистического капитализма.

Стало быть, для своего выживания автомобильная промышленность должна обеспечить себя заказами. Перейти на выпуск другого изделия, отличающегося от автомобиля, она не может по нескольким причинам. Во-первых, имеющееся в ее распоряжении специальное оборудование ориентировано на очень узкую номенклатуру выпускаемых изделий, и его полная замена потребовала бы огромных капиталовложений. Во-вторых, производственный персонал имеет определенный опыт именно в автомобильной промышленности, и ему следовало бы полностью переучиваться. В особенности это относится к конструкторам и технологам. Вполне

очевидно, что попытка перейти от выпуска одного изделия к другому, сильно отличающемуся от него, была бы практически невозможной, поскольку для этого потребовалось бы затратить огромные средства, что сделало бы данное производство нерентабельным на длительное время, а с другой стороны, такому предприятию не удалось бы конкурировать с теми, кто имеет уже опыт выпуска подобных изделий. Наконец, очевидно также, что вовсе свертывать производство автомобилей было бы также неразумным, поскольку какой-то спрос на них все равно сохранится и уж во всяком случае возобновится в достаточном объеме после амортизации приобретенных автомобилей. Все это приводит предприятие к совершенно иному решению вопроса, а именно, к стимулированию спроса.

Для этого за счет рекламы создается такая психологическая атмосфера, которая заставляет менять автомобили задолго до их физического износа. Наличие новой марки автомобиля в США и других частнокапиталистических странах является по сей день признаком материального преуспевания и престижа.

Автомобильная промышленность достигает огромных масштабов и вызывает появление сопряженных с ней отраслей промышленности: металлургической, химической, приборостроительной и т. п. В этих условиях постоянное стимулирование спроса на автомобили становится не только условием существования автомобильной промышленности, но и всего народного хозяйства в целом, поскольку се спад вызвал бы подлинный экономический кризис.

В СССР и зависимых от него странах потребность в автомобилях пока еще не насыщена, но строительство крупных автомобильных предприятий, приобретенных за рубежом, позволяет с большой уверенностью предположить, что такое насыщение произойдет в ближайшем будущем.

Выживание крупной индустрии требует экспансии не только на внутреннем рынке, но и вовне, что делает страны-экспортеры исключительно чувствительными к ситуации на внешнем рынке.

В странах с государственно-монополистическим капитализмом происходят точно такие же процессы стимулирования потребления, что и в странах с частным капитализмом, хотя это делается значительно менее эффективно. Так, например, СССР исключительно интенсивно втягивается в сферу потребления с постоянно расширяющимся кругом потребностей. За последние годы в СССР произошла жилищная революция, мебельная революция, меняется третье поколение телевизоров и т. п. Для удовлетворения всех этих потребностей создана огромная индустрия, в том числе строительная.

Все возрастающее значение в экономике государства приобретает мода, являющаяся средством постоянной загрузки легкой

индустрии. Мода пропагандируется средствами массовой информации, находящимися в распоряжении государства, что явно выражает его заинтересованность в ее популяризации. Однако, положение легкой индустрии в условиях государственно-капиталистических стран, и особенно СССР, оказывается очень затруднительным, поскольку вкусы населения здесь с давних пор определяются западными модами. Влияние западных мод в последнее время еще более усилилось, благодаря значительному притоку иностранных туристов, учащающимся поездкам советских граждан за границу, демонстрации зарубежных фильмов. Но негибкая советская государственно-капиталистическая промышленность не может следовать за западной модой с достаточной скоростью, ибо сама не является ее законодательницей. В результате в советской торговой сети возникают огромные товарные излишки, не пользующиеся спросом населения, как вышедшие из моды.

Важную роль в экономике государственно-капиталистических стран приобретают также различного рода хобби, стимулирующие потребление и также требующие достаточно большой индустрии.

* * *

Крупная индустрия как при частном, так и при государственном капитализме ставит себе целью постоянный рост выпуска национального продукта, а также повышение потребления на душу населения.

Вся экономическая и социальная стабильность такого общества зависит от постоянной загрузки крупной индустрии заказами, так что стимулирование спроса превращается в условие его существования.

Наличие крупной индустрии тем самым автоматически порождает капиталистический строй, независимо от того, под чьим контролем находится предприятие: государства или отдельной корпорации.

Вместе с тем частнокапиталистическое и государственно-капиталистическое общество имеют и различные отличительные черты.

Прежде всего государственно-капиталистический строй экономически крайне неэффективен по сравнению с частнокапиталистическим. Причиной этому является отсутствие непосредственной заинтересованности членов правящей элиты в результатах производства. Эта тенденция проявляется уже в техноструктурах Гэлбрейта, целью которых является просто выживание. Но в условиях частного капитализма это выживание обусловлено в основном экономическими факторами. В то же время в условиях государственно-монополистического капитализма выживание такого, например, члена правящей элиты, как директор завода, может цели-

ком обуславливаться внеэкономическими причинами, поскольку его назначение на пост и сохранение на нем зависит не только от успехов его предприятия, но главным образом от его взаимоотношений с правящим партийным аппаратом. При наличии круговой поруки неуспевающий или некомпетентный директор предприятия все равно может сохранить свой статус, если он, например, оказывает какие-либо услуги, в т. ч. личные, вышестоящему аппарату. Этому также способствует чисто кастовая структура т. н. номенклатурных работников, при которой даже неудачный член касты не исключается из ее состава, но, как правило, переводится на пост руководителя другой организации.

Отсутствие надлежащего стимула в работе всех звеньев государственно-капиталистической системы и обуславливает хронические недостатки в ее работе, в т. ч. ее техническую отсталость.

Спрашивается, как можно согласовать подобное утверждение с явными успехами СССР в области военной техники? Но успехи в этой области объясняются не экономическими, а политическими факторами и прежде всего огромными затратами на производство и чрезвычайно строгой приемкой, которую осуществляют независимые от промышленности представители армии. Если бы условия, существующие, например, в условиях советской военной промышленности, были бы распространены и на гражданскую промышленность, советский бюджет не выдержал бы бремени гигантских дополнительных ассигнований на выпуск гражданской продукции. Наконец, военная промышленность постоянно находится под строгим контролем правительства.

Вторым существенным различием обеих систем является роль, которую играет конкуренция. В государственно-капиталистическом обществе не существует свободной конкуренции между предприятиями, поскольку их сбыт гарантируется. Но конкуренция и в этом случае играет первостепенную роль. Во-первых, имеет место фактор внутренней конкуренции, которая перенесена на личную борьбу между членами правящей касты за обретение или сохранение статуса. Такие формы конкуренции могут быть гораздо более жесткими, поскольку они носят чисто личный характер и не могут быть регулированы экономически.

Но главную регулирующую роль для государственно-монополистического капитализма играет не внутренняя, а международная конкуренция. Эта конкуренция обусловлена необходимостью выживания и экспансии, поддержания престижа в глазах других стран и т. п. Без такой конкуренции государственно-монополистический капитализм, как экономическая система, просто не смог бы существовать, будучи обречен на полный экономический застой.

Существует и еще одно важное экономическое различие между

частнокапиталистическим и государственно-монополистическим строем. Если в частнокапиталистическом обществе цены на товары снижаются по мере увеличения на них спроса, то в государственно-капиталистическом обществе цены на такие товары сразу повышаются. Это является экономическим законом обоих обществ. Повышение цен во втором случае объясняется абсолютной монополизацией торговли. При этом сохраняется неизменным регулирующий принцип производства, а именно максимальное извлечение прибыли.

Сравнивая системы обоих типов, можно заметить далее, что поскольку население при государственно-монополистическом капитализме лишено элементарных политических прав, все формально существующие виды контроля со стороны рабочих являются неэффективными. Профсоюзы, например, превращены в один из органов социального обеспечения, а забастовки караются очень жестоко, как государственное преступление, и тем самым невозможны.

В то же время государственно-монополистический капитализм отличается и тем, что, не допуская у себя безработицы, обеспечивает минимальный прожиточный минимум практически всем и в этом смысле делает своих жителей более уверенными в своем будущем. Правда, этот прожиточный минимум намного ниже того, который существует в передовых частнокапиталистических странах.

Несмотря на все свои различия, социально-экономические системы обоих типов тесно взаимосвязаны в рамках единой мировой капиталистической экономики. Так, в связи с низким качеством продукции странам с государственно-капиталистическим строем трудно конкурировать на мировом рынке промышленных товаров. С другой стороны, ввиду наличия огромных запасов естественных ресурсов в СССР, он превратился в основном в экспортера сырья в частнокапиталистические страны, ввозя взамен средства производства, товары широкого потребления и даже продовольствие.

Взаимная конкуренция обеих систем сама по себе является одним из важнейших стимулов развития потребления, поскольку, во-первых, страх перед революцией заставил частнокапиталистические страны, помимо прочих причин, как можно шире стимулировать потребление своего населения, а во-вторых, в гонке на престиж ради выживания и экспансии государственно-капиталистические страны стремятся повысить потребление своего населения также из политических соображений.

Можно сделать вывод о том, что государственно-монополистический капитализм является лишь последовательной стадией развития капиталистического строя, отличающейся предельной кон-

центрацией производства, приводящей к абсолютной монополии государства во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Прогноз, сделанный Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», оправдался, причем весьма точно, как это ни парадоксально, на социально-экономическом строе, сформировавшемся в СССР.

Обе указанных системы глубоко порочны в своей основе и стремительно увлекают человечество к гигантской катастрофе, если только не будет найдено средство предотвратить ее.

Прежде всего они осуществляют хищническую эксплуатацию природных ресурсов, за счет которых только и может производиться расширение потребления. Эти ресурсы еще недавно казались неисчерпаемыми, но сейчас, в особенности под влиянием энергетического кризиса, порожденного арабским шантажом нефтью, эта наивная точка зрения изменилась. И до этих событий было вполне очевидно, что природные ресурсы, в особенности такие, как почва, вода, топливо, воздух и т. д., далеко не беспредельны, и что ничем не ограниченный рост потребления ведет к их неизбежному истощению в гораздо большей степени, чем естественные потребности растущего населения.

При этом для катастрофы достаточен дефицит хотя бы только одного какого-либо жизненно необходимого ресурса, даже если все остальные ресурсы будут в изобилии, ибо ресурсы эти не взаимозаменяемы.

Про частнокапиталистические страны, а в особенности про США, говорят, что они потребляют природные ресурсы, как «пьяный моряк», но это еще в большей мере относится к СССР, где огромное количество ресурсов расходуется совершенно бесцельно вследствие царящей здесь бесхозяйственности. Так, например, очень много выплавленного металла либо выбрасывается на улицу и ржавеет, либо идет на более тяжелые, чем в частнокапиталистической промышленности, конструкции. Ежегодно гниет и портится большое количество сельскохозяйственных продуктов. Бесцельно сжигается множество топлива. Все это постоянно описывается в советской печати, и хотя правительство постоянно приказывает прекратить бесцельные потери ресурсов, они не только продолжают, но и увеличиваются. Гигантские и ненужные траты природных ресурсов в СССР являются привычным штрихом его жизни.

Но ресурсы СССР быстро исчерпываются не только в силу указанных выше причин, но и вследствие того, что он превратился в крупнейшую сырьевую базу других стран. Именно наличие огромных природных ресурсов, которые СССР может обменивать на средства производства, позволяет ему выживать в конкурентной

борьбе с частнокапиталистическими странами и вообще поддерживать свою обширную, но неэффективную экономику.

Наличие леса, нефти, руды, меха и др. ценных продуктов позволило СССР произвести саму индустриализацию в 20-30 гг., поскольку в обмен на эти ресурсы он получил из США и Германии необходимое технологическое оборудование.

Природные ресурсы всего мира достаточны, возможно, для того, чтобы питать в течение обозримого срока очень большое и растущее население земного шара, но отнюдь не достаточны для того, чтобы обеспечить гонку потребления. Капиталистическое общество во всех его формах имеет неизбежное ограничение, и если росту потребления не будет поставлен предел, оно скорее рано, чем поздно, натолкнется на критическую нехватку ресурсов. Признаки этого кризиса налицо. Он станет углубляться еще более по мере вовлечения в сферу потребления стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Другим неизлечимым пороком капиталистического строя является его растущая политическая неустойчивость, вследствие неспособности сохранять мир и противостоять распространению тоталитаризма, который может возникать как в частнокапиталистических, так и в государственно-капиталистических странах, хотя последние почти неизбежно порождают тоталитарные режимы.

Неудивительно, что государственно-капиталистические страны с благосклонностью относятся к распространению тоталитаризма во всех его формах. В то же время частнокапиталистические страны, хотя и выступают против тоталитарных режимов, на самом деле также существенно способствуют их распространению и укреплению. Насыщение внутреннего рынка ведет частнокапиталистические страны к поискам новых рынков сбыта, где бы то ни было, с тем, чтобы только загрузить свою промышленность. При этом они входят во все возрастающую зависимость от источников сырья, находящихся в других странах, главным образом там, где нет собственной промышленности для его обработки.

Поэтому, если возникает тоталитарное государство, становящееся угрозой миру и свободе, частнокапиталистические страны, в страхе перед потерей рынка сбыта или источника сырья, начинают оказывать давление на свои правительства с тем, чтобы как можно больше смягчить их позицию по отношению к этому государству. Именно в силу этого частнокапиталистические страны неспособны оказывать сопротивление тоталитаризму, несмотря на весь свой огромный потенциал.

Таковы, например, были корни Мюнхенского соглашения 1938 г., когда недалёковидные политические лидеры Англии и Франции под давлением частнокапиталистических кругов открыли путь

гитлеровской агрессии против всего мира. Но и уже до этого западные промышленные круги способствовали возрождению германской индустрии, которую Гитлер использовал исключительно на военные цели.

Западные промышленные круги проводили подобную самоубийственную политику из органической неспособности учитывать национальные интересы на долгосрочный период и жертвовать ради них интересами выживания своих корпораций на текущий период времени.

Точно также ведут себя промышленно-финансовые круги и в настоящее время. Оказав давление на правящую социал-демократическую партию Зап. Германии, они добились от нее возведения сложившегося статус-кво в Германии в ранг юридически признанного факта, пойдя на максимальные уступки СССР и Вост. Германии, превратившейся в очаг милитаризма в Европе. Национальное предательство, совершенное западногерманскими финансово-промышленными кругами, прикрытое лицемерными утверждениями «социал-демократов» об интересах мира, дорого обойдется и немецкому народу, и всему человечеству. Но за это предательство немецкие промышленники и торговцы получили беспрепятственный выход на восточно-европейский и советский рынок и теперь могут быть уверены в том, что положение их фирм на ближайшие несколько лет будет вполне благополучным.

То, в какой мере эгоистические интересы финансово-промышленных кругов могут идти против интересов собственного народа и всего мира, показывает политика Франции, готовой идти на уступки любому тоталитарному режиму, лишь бы он находился далеко или по крайней мере не угрожал бы ей в течение ближайших трех-четырех лет.

В настоящее время Франция оказалась первой среди европейских стран по раболепству перед арабскими странами ради нефти, не отдавая себе отчета в том, какую смертельную угрозу над всей Европой и миром она навлекает таким образом, поскольку в будущем страны, в руках которых имеются стратегические природные ресурсы, смогут оказывать любое давление на страны-потребители этих ресурсов.

С другой стороны, государственно-капиталистическая система, продолжая свою экспансию, стремится поставить под контроль страны-поставщики ресурсов с тем, чтобы оказывать влияние на частнокапиталистические страны. При этом она не останавливается ни перед чем, чтобы укрепить свое влияние в этих странах, поощряя там самые бесчеловечные режимы, провоцируя военные конфликты, как, например, на Ближнем Востоке, Индостане и т. п.

Любая кровавая диктатура может рассчитывать на советскую

поддержку, если только начинает выступать против западных частнокапиталистических стран.

Соперничество между различными формами капитализма за сферы влияния может с большой вероятностью вызвать мировую катастрофу.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

В свете всего вышесказанного приобретают исключительный интерес имевшие место попытки создать социалистический строй. Важнейшей из них является Русская революция 1917 г. Как известно, придя к власти, русские большевики попытались создать экономическую систему нового типа, известную ныне под неточным названием «военного коммунизма». Эта система просуществовала всего три года и является первой попыткой отказа от капиталистического характера экономики. Однако, она окончилась полным поражением, в результате чего огромная страна была доведена до полной разрухи и голода. Суть экономической политики большевиков в первые три года их власти сводилась к полной национализации всего народного хозяйства, введению натурального распределения продуктов, ликвидации денег. Все это потребовало введения насильственного изъятия сельскохозяйственных продуктов у сельского населения, поскольку дезорганизованная условиями гражданской войны и национализации индустрия практически бездействовала. Насильственное изъятие сельскохозяйственных продуктов носило название «продразверстки».

«Сдаваемые по разверстке продукты оплачивались по твердым ценам, в *несколько десятков раз** стоявшим ниже рыночных. Затем вознаграждение крестьянина за сдачу всех разверсточных продуктов стало применяться в форме получения промышленных продуктов из товарообменного фонда заготовительных организаций, причем эти промышленные продукты выдавались не отдельным крестьянам, а целым обществам с распределением внутри них не пропорционально сданному хлебу, а в соответствии с социальным положением крестьянина» (А. Айхенвальд, «Военный коммунизм», Большая советская энциклопедия, т. 12, 1928, стр. 370).

Но на самом деле ничего почти взамен продовольствия не давалось. Тот же автор сообщает, что «продорганы брали у крестьянства для армии и города хлеб, фураж и т. д., а промышленных продуктов давали взамен или очень мало, или совсем не давали» (там же). Позднее была ликвидирована вся внутренняя торговля. Все это вытеснило деньги из сферы экономики, а денежные операции приобрели чисто бухгалтерский характер.

*) Подчеркнуто М. Агурским.

«Советские экономисты уже рисовали себе картину полного отказа от денег, полного перехода к централизованному и плановому натуральному хозяйству» (там же, стр. 373).

Правительственные организации держали курс на безденежное хозяйство, а деньги печатались на пределе производственных возможностей Госзнака. К январю 1921 г. были полностью отменены денежные налоги. Однако, безденежное натуральное хозяйство потребовало принудительного труда и его милитаризации, поскольку вся существовавшая прежде индустрия сохранялась, в особенности военная, и нуждалась в рабочей силе, которая в создавшихся условиях не желала там работать.

Это и явилось предметом обсуждения на IX съезде коммунистической партии, состоявшемся в марте-апреле 1920 г. Главным решением этого съезда было постановление о милитаризации труда. Согласно этому постановлению рабочие и служащие организовывались в трудовую армию. Они закреплялись за определенными предприятиями, а свободный переход с предприятия на предприятие запрещался. На профсоюзы возлагалась фискальная роль — бороться с трудовым дезертизмом.

Как известно, главным докладчиком по этому вопросу и по существу его вдохновителем был Л. Троцкий. Он сказал, что представление о непроизводительности принудительного труда является «старой буржуазной аксиомой» («Девятый съезд РКП(б) ... Протоколы», Москва, 1960, стр. 97). В условиях социализма, по мнению Троцкого, принудительный труд должен быть более производительным.

«Утверждение, что свободный труд, вольнонаемный труд производительнее труда принудительного, было безусловно правильно в применении к строю феодальному, строю буржуазному». Однако, как утверждал Троцкий, «неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен» (стр. 98). Троцкий далее заявил:

«Когда кто-нибудь говорит, что принудительный труд непроизводителен, если это либерал, мы просто прогоним его, но если это коммунист, который не понимает смысла переживаемой эпохи, то мы ему скажем: ты говоришь, что принудительный труд непроизводителен, и поэтому отказываешься от него, — на самом же деле ты хочешь сказать, что мы, приступая сейчас к организации социалистического применения труда, мы еще мальчики в этой области и у нас ничего еще производительного не вышло» (стр. 99).

«Военный коммунизм» отнюдь не рассматривался, как сейчас стараются представить советские историки, некоей временной мерой, связанной лишь с гражданской войной. Его название имеет более позднее происхождение.

«Вся схема военно-коммунистической экономики рассматривалась как остов социалистического хозяйства, и вся задача, казалось, состояла только в том, чтобы в рамках этой схемы преодолеть разруху и поднять уровень материальных производительных сил от какой-то доли довоенных размеров до уровня высокоиндустриальной техники и культурной жизни» (А. Айхенвальд, там же, стр. 379).

Результаты «военного коммунизма» были плачевны. Он не только не остановил, но даже усугубил разруху в стране. Массовые восстания в центре страны, в Сибири, а затем и в Кронштадте заставили правительство отказаться от политики безденежного хозяйства с милитаризованным принудительным трудом и, разумеется, продразверстки.

В марте 1921 г. продразверстка была отменена. Затем была восстановлена свобода торговли, денежное обращение, заработная плата и т. п. Система принудительного труда также была отменена. За короткое время экономика Советской России было не только восстановлена, но был быстро превзойден довоенный уровень.

Крах попытки создания безденежного натурального хозяйства настолько подействовал на коммунистическую идеологию этого периода, что это нашло отражение даже в программе Коминтерна, где указывалось, что такая политика не должна быть рассматриваема рабочим классом, «как система «нормальной» хозяйственной политики диктатуры пролетариата».

Причин неудачи «военного коммунизма» было несколько, но, однако, все они сводились к тому, что в стране сохранялась старая структура экономики, не претерпевшая по существу никаких изменений после революции, а именно сохранялась крупная индустрия, а также большое население, интересы которого были неразрывно связаны с этой индустрией и были чисто потребительскими. Это относится прежде всего к городскому населению, которое нужно было снабжать продовольствием, в то время как оно ничего не производило или же производило только военную продукцию. Продовольствие же можно было добывать у крестьян только насильственно, чем и занималась вышеупомянутая продразверстка.

В то же время крупная индустрия была совершенно необходима советскому государству, прежде всего ввиду нужд военной промышленности.

Создается впечатление, что попытка ликвидировать недостатки прежнего общества в изолированной стране с враждебным окружением была откровенно утопична, поскольку, изменив в корне идеологическую основу общества, его политическую структуру и т. п., русские большевики сохранили главную основу капиталистической экономики — крупную индустрию, так как необходимость

выживания, необходимость обеспечения многочисленного городского населения требовали не сокращения крупной индустрии, а напротив, ее всемерного развития, а никаких других альтернатив такой экономике не существовало. Но это-то и оказалось троянским конем капитализма, определившим дальнейшее экономическое и социальное развитие России.

Однако, через семь лет после официальной отмены «военного коммунизма» была сделана новая попытка возродить его, хотя и в существенно смягченном виде. Окончательно разбив левую оппозицию на XV съезде партии в декабре 1927 года, Сталин буквально через две недели после окончания этого съезда, по существу, приступил к реализации политической программы побежденных им соперников, в ряде вопросов пойдя даже дальше их. В процессе реализации этой программы были восстановлены многие черты «военного коммунизма». Однако, поскольку экономика продолжала базироваться на крупную индустрию, она привела лишь к новой милитаризации страны и восстановлению многих форм принудительного труда, причем в отличие от программы Троцкого трудармии стали также пополняться за счет жертв массовых репрессий, начавшихся в стране.

Вновь возродилась продрозверстка, на сей раз, однако, закрепленная в форме коллективного хозяйства (колхоза), который в первый период своего существования мыслился как коммуна с полным обобществлением всего личного хозяйства, что позволяло изымать у крестьян все продовольствие, не вступая с ними в личные конфликты.

При наличии такой организационной формы государству было гораздо удобнее получать из деревни сельскохозяйственные продукты, а крестьяне закреплялись в колхозах, в соответствии с идеей принудительного труда, утвержденной IX съездом партии. В течение 1929 г. — начале 1930 г. была сделана попытка, хотя и не удавшаяся, введения безденежного натурального хозяйства в деревне и даже в городе. Стали закрываться свободные рынки продовольственных товаров, стало отбираться все без исключения единоличное хозяйство. В городах были попытки создания коммун с общим ведением домашнего хозяйства. Был выдвинут лозунг ликвидации кухонь. Но все это движение прекратилось еще быстрее, чем в эпоху «военного коммунизма», поскольку его развитие в условиях крупного индустриального общества грозило тяжкими экономическими последствиями. В решении ЦК ВКП(б) от 15 марта 1930 г. организация коммун и ликвидация свободных рынков были осуждены.

В результате в деревне сохранилось единоличное хозяйство, которое, несмотря на малое количество земли, выделенное для

него, оказалось исключительно продуктивным, покрывая через свободный рынок очень высокий процент потребности городского населения в продовольствии.

Принудительный труд был восстановлен и в городе, но не в таких формах, какие были предусмотрены IX съездом. Было узаконено запрещение свободы выбора места работы, а идея трудармий была возрождена только для жертв репрессий, число которых впрочем было очень велико, насчитывая миллионы людей.

Эти мероприятия создали основу экономики, на базе которой началась индустриализация, причем очень высокими темпами, что преследовало создание военной промышленности и промышленности средств производства. Но эта индустриализация стала практически возможной только вследствие того, что частнокапиталистические страны, и главным образом США и Германия, дали согласие на поставку огромного количества технологического оборудования в СССР, без которого никакая индустриализация не была бы возможной. В обмен на это из СССР стали поступать столь же огромные количества природных ресурсов, в первую очередь леса.

Частное потребление в СССР довоенного времени стимулировалось очень незначительно, несмотря на то, что была создана высокопроизводительная легкая индустрия, целью которой впрочем было лишь удовлетворение самых минимальных потребностей населения.

Эта-то экономика и была объявлена в 1934 г. на XVII съезде партии социалистической, хотя по существу она ею, разумеется, не была. Однако, это провозглашение ни в коей мере нельзя считать чьей-то злой волей, поскольку сторонники советской власти были убеждены в том, что основная цель социализма — обобществление средств производства — была достигнута как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В стране возникло и имеет место по сей день существенное противоречие между подлинным характером общественных отношений и их осознанием. Быстрыми темпами формировалась правящая каста, однако, окончательный вид она приобрела лишь после гигантских чисток 36-38 гг. Но и новая правящая каста признавала себя в своем большинстве, как управляющая социалистическим обществом.

Несмотря на то, что война с нацистской Германией и послевоенные экономические трудности существенно понизили уровень частного потребления, именно в послевоенный период были заложены основы будущего потребительского общества за счет дальнейшей индустриализации. Хотя советское руководство по-прежнему ставило своей основной целью производство вооружения и средств производства, ограничивая выпуск товаров для населения

и жилищное строительство минимальными размерами, всеобъемлющее потребление оставалось конечной целью развития советского общества в глазах его руководства и самого Сталина. Незадолго до своей смерти Сталин провозгласил основным экономическим законом социализма чисто потребительский лозунг: «Максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей» («Экономические проблемы социализма», М., 1952). Разумеется, в то время этот лозунг носил демагогический характер, вследствие нехватки в стране даже жизненно необходимых товаров, но он тем не менее являлся выражением общей тенденции развития СССР.

Следует отметить, что в этот период в стране продолжал применяться в огромных масштабах принудительный труд. Миллионы заключенных работали на лесоразработках, в строительстве, были заняты на горнодобывающих работах. По-прежнему был запрещен переход с одной работы на другую, а самовольный уход с работы карался тюремным заключением.

Окончательное оформление современного советского общества произошло уже после смерти Сталина, поскольку только тогда созданная при нем соответствующая производственная база начала приносить свои плоды. Новое руководство действительно встало на путь удовлетворения потребностей населения, хотя, разумеется, для этого потребовалось время.

Вскоре были ликвидированы и последние формы принудительного труда в городе (но не в деревне), путем отмены запрещения свободного перехода с работы на работу. Это существенно способствовало росту заработной платы, поскольку в условиях дефицита рабочей силы предприятиям приходится различными способами привлекать к себе рабочих и, в частности, повышать оплату их труда.

Из заключения вышли миллионы людей, что также сократило сферу принудительного труда.

Итак, попытка большевиков противопоставить экономике капиталистического строя социалистическую экономику окончилась неудачей. Она свелась лишь к появлению новой формы капитализма, а именно государственно-монополистического капитализма. Причиной этого, как уже говорилось, было сохранение и дальнейшее развитие крупной индустрии. Попытки же сдержать рост потребления приводили к лишению населения даже жизненно необходимых продуктов и к использованию принудительного труда.

* * *

Имеется и другой опыт попытки создания социалистического строя, но и его можно считать отрицательным. Речь идет о Китае,

который ныне как будто бы противопоставляет капиталистическому строю общество, где потребление сознательно ограничено. Вместе с тем, Китай усиленно развивает крупную индустрию, преимущественно военную, так что современному Китаю присущи все необходимые черты капиталистического общества. Китайскому правительству удастся столь сильно ограничивать потребление, как это происходит сейчас, лишь принудительными методами, причем более строгими, чем в период советского «военного коммунизма» и в период довоенной индустриализации. Хорошо известно, насколько динамично в экономическом отношении китайское население, рассеянное во многих странах мира, чтобы представить, к каким мерам приходится прибегать властям, удерживая его в состоянии отсутствия личной экономической активности при столь низком уровне жизни.

Тем не менее отсутствие развитого потребления в сочетании с огромным населением и природными ресурсами дает Китаю такие возможности, которых нет у других стран, хотя эти же самые возможности в конечном счете способны лишь усилить тенденции в будущем к окончательному перерождению Китая в общество государственно-монополистического типа.

К числу таких возможностей, в частности, относится ускорение технического прогресса в отраслях, где преобладающее значение имеют политические факторы, а именно в области вооружения или же освоения космоса. Поскольку участники любых научно-технических работ при любом своем использовании все равно будут получать лишь свой прожиточный минимум, с точки зрения общегосударственных интересов их концентрация в какой-либо области является почти бесплатной. Поэтому Китай может дублировать свои разработки в гораздо большей степени, чем любая другая страна, и тем самым сократить темпы прогресса в данной области.

Однако, такую техническую политику невозможно распространить на другие области, так что в Китае, как и в СССР, существует исключительно сильная неравномерность технического уровня в стратегических и нестратегических областях. Вследствие отсутствия автоматизации в Китае господствует тяжелый физический труд, а китайская промышленность обходится лишь минимально необходимым технологическим оборудованием.

В целом китайская экономика столь же неэффективна, как советская. В Китае хищнически истребляются природные ресурсы, которые являются главным источником импорта нужного для развития военной промышленности оборудования.

Наконец, ограничение потребления в Китае не имеет никакой привлекательности прежде всего потому, что оно сводится ко все-

общей нищете, военному принуждению и строгой изоляции от внешнего мира.

Современная китайская экономика находится на переходной стадии своего развития, а именно на стадии индустриализации. Завершение индустриализации или же военное столкновение с какой-либо другой страной может только ускорить государственно-капиталистическое развитие Китая, независимо от исхода этого конфликта, если, конечно, начавшееся до этого истощение ресурсов не положит предел гонке потребления во всем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе не ставилась цель выдвижения какой-либо альтернативы существующим в наше время социально-экономическим системам. Такая альтернатива, если она вообще возможна, может быть выдвинута на основе гораздо более глубокого анализа, чем тот весьма поверхностный анализ, содержащийся в данной работе.

Наконец, в данной работе экономические аспекты современного общества были искусственно выделены из других важных его аспектов, таких как политика, идеология и др. Они существенно усложняют общую картину, но одной из целей автора было показать, что: 1) существующие в настоящее время противоборствующие социально-экономические системы на самом деле являются разновидностями капиталистического строя; 2) экономической базой, порождающей капиталистический строй во всех его разновидностях, является крупная индустрия; 3) дальнейшее существование капиталистического строя во всех его формах ограничено дефицитом природных ресурсов и общей политической неустойчивостью.

И хотя эти цели сами по себе заслуживают самостоятельного разбора, они были связаны с тем, чтобы показать сторонникам социализма на Западе, что их усилия должны быть направлены на поиски социальных форм, которые могли бы лечь в основу будущего общества, а не на защиту под видом социалистического строя государственно-монополистического капитализма.

Москва, 4 декабря 1973 г.

2. Авторы Самиздата о себе

Татьяна ХОДОРОВИЧ*

ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ**

Мы стоим под залами судебных заседаний, где судят наших друзей, наших товарищей, куда нас не пускают.

Мы пытаемся помочь людям, которых раньше никогда не видели и о которых знаем только одно: они в лагере или в камере пыток, благообразно именуемой психиатрической больницей специального типа.

Мы передаем на Запад рукописи — не «социальные заказы», а плоды одиноких усилий, попыток собственными силами разобраться в духовной или общественной жизни, наконец, просто стихи и прозу, не совпадающие с официальной доктриной искусства.

Мы против лжи и фальши, пронизавших наше государство.

Кто это — «Мы»?

«Мы» — не партия, не общество, не организация. У нас нет никаких «программ — максимум и минимум», никаких глобальных планов общественного переустройства, мы не опираемся ни на какую «научно обоснованную» концепцию или новое откровение.

Мы знаем только один закон — закон своей совести, естественное чувство сострадания к несправедливо гонимым, уважение к человеческой личности, к ее свободному духу, к правде.

Мы — это те, кого на Западе называют «инакомыслящими» или еще более красивым и загадочным словом — «диссиденты».

Когда-то «правила хорошего тона» поэтов и литераторов включали в себя обязательные сетования на то, что «нету мук страшнее муки слова», что слово бессильно перед реальностью и не отражает ее многообразия. «Девальвация» слова стала штампом, о ней меньше говорят именно потому, что она всем известна.

Мне же все эти жалобы на бессилие слова представляются романтической утопией, сентиментальным лепетом в сравнении с действительностью. Мы живем в эпоху такого могущества слова, которое и не снилось великим творцам прошлого.

К несчастью, могущество это глубоко отрицательно и трагично

*) Татьяна Ходорович — лингвист, бывш. мл. научн. сотр. Ин-та рус. яз. АН СССР, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

**) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1518.

по своим последствиям. Состоит оно в том, что слово сегодня призвано не вскрыть истину, а, напротив, сокрыть, уничтожить ее.

Реальность исчезает — остаются все нивелирующие абстракции.

Они так удобны, эти слова-абстракции, что ими равно пользуются и свободные журналисты Запада, и советская пресса, и подпольщики из террористического подполья.

Так возникло на наших глазах звучное слово «конфронтация».

Заговорили о «недопустимости конфронтации двух сверхдержав», каковая «конфронтация» переводится на всеобщий язык человеческого ужаса как возможность гибели всех нас в термоядерном пламени.

И вот уже из Бейрута академик Сахаров получает письмо, в котором грозят физической расправой ему и его близким, если он, академик Сахаров, не прекратит, как говорится в письме, своей «конфронтации с арабскими народами».

«Конфронтация» — просто синоним смерти, ее визитная карточка. Грозит смерть человечеству, грозят смертью академику Сахарову. Но Сахаров сегодня — воплощенная совесть человечества, один из тех, о ком в Евангелии сказано: «Соль земли и свет мира».

Его «конфронтация» с арабскими народами — голос человеческой совести, раздавшийся на фоне нечистой пропаганды и новой кровавой волны мирового антисемитизма, голос всего лишь напомнивший миру, что за словами «ближневосточный кризис» скрывается решение судьбы нации, тридцать лет тому назад обреченной на поголовное истребление, сгоравшей в печах Освенцима, расстрелянной в Бабьем Яру и Варшавском гетто, нации, которая добивается одного права — права жить, оставаясь самой собой.

Но, разумеется, если беспрерывно произносить «ближневосточный кризис» и «конфронтация», все будет выглядеть не так четко, не так ясно, а значит, и не так страшно, не так ответственно. О «конфронтации» можно говорить спокойно — о смерти говорить спокойно нельзя: смертны все, и смерть совести и свободы страшнее собственной, физической смерти.

«Инакомыслящий» — тоже хорошее слово. Есть, значит, какие-то «мыслящие» одним образом, а есть «инако» — другие, с ними не согласные. Но ведь это нормально, так всегда было, да иначе и не может развиваться духовная и общественная жизнь...

Запад сообщает о преследованиях советских «инакомыслящих», советская пресса — о судебных процессах в Штатах над американскими «инакомыслящими». И уже советский министр, в ответ на вопрос канадского министра о положении «инакомыслящих» в СССР, благодушно роняет: «У вас свои инакомыслящие, у нас — свои».

Словом, «что тот солдат, что этот», и вообще «на всех фронтах без перемен».

«Инакомыслие», «диссидентство» — иллюзия, ложь, призванная новое и страшное представить как известное и потому нестрашное, направить общественную мысль Запада в привычное русло исторических и культурных аналогий.

Но таким аналогиям нет места в советской действительности. Нет у нас никакого диалога с «мыслящими», нет никакой политической игры и правил игры.

Представьте себе игру в шахматы с таким партнером, который в ответ на ваш ход просто-напросто сметает фигуры с шахматной доски, чтобы этой же доской вас ударить.

Нет «инакомыслящих», нет «диссидентов» — есть люди, с одной стороны, а с другой — безликое, организованное и выдрессированное насилие с одним единственным хорошо развитым инстинктом: всякую мысль надо душить. Не «иную», не «другую», не «оппозиционную» мысль, а именно *всякую* — марксистскую, религиозную, национальную, — как только эта мысль исходит от отдельной личности, как только она явилась результатом внутреннего свободного выбора. Для власти важно не столько содержание, сколько «происхождение» мысли, ей ненавистна та психологическая атмосфера свободы, в которой рождается индивидуальное отношение к миру.

* * *

Я мать четверых детей. Но я не могу думать о тех, кому дала жизнь, не думая при этом и о тех, кто дал жизнь мне, о своих предках, которыми горжусь и долг перед памятью которых равносильны для меня долгу перед собственными детьми.

Наша семья всегда понимала свободу — творческую и духовную — как глубокую зависимость от высших нравственных ценностей жизни, как долг, которому нельзя изменять. Такая свобода не сопровождается никакой диалектикой насилия, никакой статистикой, обосновывающей мораль числом ее приверженцев.

Я сохранил эту свободу даже ценой утраты свободы обычной, гражданской.

Правда, теперь у меня есть шанс спастись, выжить, остаться на свободе: КГБ, не оставшееся в стороне от духа «разрядки», разработало в последнее время своеобразную систему заложников. Смысл ее в том, что если согласны замолчать и прекратить свою «деятельность» оставшиеся на свободе, тогда, возможно, будут облегчены условия содержащихся в лагерях, тюрьмах, спецпсихбольницах наших товарищей.

Нам говорят: выбирайте — или какая-то там абстрактная сво-

бода, за которую вы якобы боретесь, или, возможно, реальная свобода такого-то и такого-то человека.

Кнут не убирают и не заменяют пряником — кнут совмещают с пряником: ведь не за всех заложников найдутся поручители, к тому же неизбежно появление новых, еще неизвестных людей, которые, несмотря ни на что, будут мыслить и мыслить по-своему, т. е. неизбежно появление таких людей, которые вступят или уже вступают в конфликт с властью и к которым будут применяться те же санкции.

Я отказываюсь от этой инквизиторской игры.

Я не намерена вступать в диалог с организацией, за которой не признаю нравственных прав на существование.

Точно так же я отрицаю за советским судом право привлекать меня к ответственности за *политическое* преступление, да еще при этом именуемое уголовным.

Находясь пока на свободе, в трезвом уме и здравой памяти, я заявляю во всеуслышание, что не считаю себя политиком и свою деятельность политической. *Нравственное сопротивление* насилию и несправедливости *относится* не к политике, а к *простейшим и естественнейшим проявлениям человеческой личности*.

Свое нравственное сопротивление насилию я рассматриваю как неучастие в нем и в этом вижу свой долг. Я также считаю своим долгом не участвовать в безнравственной работе следствия и суда и именно поэтому буду молчать перед ними.

* * *

Всегда есть какая-либо шкала, «точка отсчета», относительно которой оценивается интеллектуальное и моральное мужество человека. Такое мужество потребовалось, например, Копернику и Галилею, поставившим под сомнение научную истинность церковной космогонии. Но человек наших дней, провозглашающий, что «земля вертится», рискует только прослыть банальным, но уж никак не ставит на карту свою жизнь и свободу. Трагизм нашего положения заключается в том, что мы своей судьбой, судьбой своих близких оплачиваем такие «банальности» из сферы нравственной и культурной, как свобода мысли и свобода ее выражения.

В условиях режима, провозгласившего насилие и диктатуру «подлинной свободой», *мы отстаиваем самые первичные и универсальные духовные ценности, без которых жизнь вообще лишается смысла*.

Москва, Декабрь 1973 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО¹

Я не юрист. О юридической стороне дела здесь много говорил адвокат². Ко многим вопросам я буду подходить с позиции «просто-душного» — с точки зрения здравого смысла. Я не коснусь многих вопросов. О конкретных эпизодах, фактах обвинения я буду говорить очень мало, буквально несколько слов. Но, как уже заметил адвокат, обвинение в полном объеме требует изменений. Прокурор полностью поддерживает обвинение, в то время как в нем имеется по крайней мере 37 неточностей. Кстати, 5 из них исчезло после показаний Попова³. Осталось не так много — всего 32. Я думаю, что повторять этот список не имеет смысла... Разобраться в этом — дело суда. Я полагаю, что суд, в отличие от прокурора, учтет это. Ибо речь идет о том, чтобы, как сказал прокурор, в судебном заседании было все детально исследовано. Я полагаю, что эти исследования найдут свое отражение в решениях суда. Они, правда, не нашли никакого отражения, к сожалению, в речи прокурора.

А там есть вещи поразительные. Есть эпизоды, которые ниоткуда не взяты: ни мною не высказаны и не подтверждены свидетелями, — а тем не менее они представлены так, что якобы и я их высказал, и якобы они подтверждены свидетельскими показаниями. Речь идет об эпизодах, связанных с Поповым, Владимирским.

Буквально два слова о том, чему так много внимания уделил прокурор, а именно — об источниках получения самиздатской литературы. Нет, гражданин прокурор, отнюдь не голые декларации я имел в виду. В моем заявлении, переданном суду, есть интере-

1) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1524.

Кронид Аркадьевич Любарский, р. прим. 1934, кандидат физ.-мат. наук по кр. мере с февр. 1967, научн. сотр. при Ин-те физики и геофизики АН Туркм. ССР в 1957-62, учен. секр. Моск. отдела Всесоюз. астрономо-геодезич. общ-ва по кр. мере с ноября 1965, до ареста — сотр. Ин-та физики твердого тела, также занимается космич. биологией. Любарский был арестован по делу № 24 в пос. Черноголовка Моск. обл. 17. 1. 72, на процессе 26-30 (или 31). 10. 72 осужден на 5 лет лаг. стр. реж., его адрес — 4311 Морд. АССР, Zubovopoljanskij r-n, п/о Лесной, ст. Потьма, учр. ЖХ 385/19-04, в мае 1973 помещен в штрафной изолятор на 15 суток, потом переведен в БУР (барак усилен. реж.) сроком 6 мес. (см. «Хр.» №№ 24-27, «Хр. защиты...», №№ 1-3, Рейтер и ЮПИ, 25-31. 10. 72).

Любарский — автор по кр. мере 24-х статей в научн. журналах в 1958-69 и 3-х кн.: «Очерки по астробиологии», М., 1962, «Косм. биология и медицина», М., 1968, и «Планеты земной группы — Марс», М., 1969.

2) Лев А. Юдович.

3) Владимир Попов, ученик Любарского.

сующие вас и место, и время, и обстоятельства. И я всего этого не говорил только по той простой причине, что действительно — в чем вы совершенно правы — для квалификации моих действий это никакого значения не имеет. А вот что касается Шихановича⁴, которого вы категорически считаете источником, — то ни места, ни времени, интересующих вас, нет ни в материалах предварительного следствия, ни в материалах судебного следствия.

В конце концов, речь должна идти в первую очередь не о фактах, не о конкретных эпизодах. Не здесь лежит основное разграничение моего разногласия с обвинительным заключением. Не в том, будет ли тот или иной эпизод включен в обвинение. Как бы ни квалифицировать происходящее здесь — по статье 70, как предлагает прокурор, или по статье 190, как просит адвокат, — главный вопрос, который придется решать, — вопрос о степени криминальности тех или иных произведений. К сожалению, в тексте законов нет четких признаков, по которым то или иное произведение может быть названо криминальным, и поэтому приходится признать, что имеется весьма и весьма широкий диапазон признаков на этот счет. В частности, степень криминальности зависит от географии. Например, у меня при обыске были изъяты такие произведения, как «Реквием» Ахматовой, «Наследники Сталина» — фрейдистский анализ романов Кочетова и Шевцова. Мне они не инкриминируются. В Одессе же Р. Палатник «Реквием» был инкриминирован, а «Наследники Сталина» были инкриминированы Мельнику — при этом не только тот самый документ, но даже и тот самый экземпляр. Как видите, имеется противоречие в применении закона в зависимости от географии: Одесса, Ленинград, Москва.

И со временем меняется дело. Вы знаете, что многие авторы: Бабель, Пильняк — еще некоторое время назад считались антисоветскими. У меня при обыске изъято «Письмо Раскольникову Сталину», которое раньше было криминалом номер один, а теперь известно как высокопатриотический документ. Все это я говорю к тому, что приходится все время, к сожалению, быть очень осторожным, именно в силу неточности оценок: что же считать криминальным?

За время моего, так сказать, общения с Самиздатом мне трижды попадались в руки весьма своеобразные издания. Это книга Франсуа Фейто под названием «Венгерская трагедия», это книга Тома Клиффа «Сталинская Россия», это книга Рассела Гренфелла «Ненависть прежде всего»⁵. Если бы все эти книги были у меня

⁴ Юрий Александрович Шиханович, бывш. преподаватель мат-ки МГУ.

⁵ Francois Feito, *Tragédie hongroise*, Париж, 1956; Tony Cliff — автор работы о Розе Люксембург в журн. «Интернейшл социализм», Лондон, 1959, №№ 2 и 3; Russell Grenfell, *Unconditional Hatred*, Нью-Йорк, 1953.

изъяты в машинописном исполнении, то я не сомневаюсь, что по крайней мере, две из них вошли бы в текст обвинительного заключения как книги антисоветские. Но вот в чем дело: книги изданы издательством «Иностранная литература» — все три, но с номерами и с грифом «запрещенная литература». Спрашивается: для кого запрещенная? Очевидно, не для тех, для кого она издана. Т. е. есть круг лиц, который может и даже должен их прочитать. Очевидно, что остальные граждане Советского Союза считаются недостаточными грамотными для этого. Но допустим так. А вот такой вопрос. В свое время Госполитиздатом была выпущена знаменитая книга Г. Уэллса «Россия во мгле»⁶, на каждой странице которой есть антисоветские измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, на каждой странице. Выход найден очень простой: книге предпослано предисловие, где сказано, что советский читатель сам сможет разобраться, где здесь правда и где здесь ложь...

Значит, дело не только в том, какие факты и какие оценки приводятся в том или ином произведении. Ведь формально, строго говоря, в законе нет никаких оговорок на этот счет, значит, речь идет не только о том, что, но и, прежде всего, с какой целью данное лицо или организация читает или распространяет ту или иную литературу. Вот здесь-то и лежит водораздел понимания того, как относиться к происходящему. Именно здесь, и нигде больше.

Так вот, какие же мотивы руководили мною? Обвинение отвечает очень коротко: действия в целях подрыва и ослабления советской власти. Обвинение, освещающее эти мотивы, сообщает цитаты из текста закона и ничего больше. Но почему? С какой целью то или иное лицо — конкретно, я — с точки зрения обвинения, начинает читать, а тем более распространять Самиздат? Я думал, что прокурор выскажется в своей обвинительной речи по этому поводу. Много о чем можно было бы говорить. Но этого нет. По той простой причине, что мотив о подрыве и ослаблении советской власти — это миф, ничем не подтвержденный.

Какие же гипотетические мотивы могло бы придумать обвинение, пусть даже необоснованные? Какие могут быть гипотезы? Ну, очевидно, первая гипотеза напрашивается проще всего. Якобы, я мечтаю о том, чтобы советская власть была уничтожена, жить при капитализме, фабрику завести, иметь ренту... И свидетели, здесь прошедшие, и лица, которые меня знают, могут подтвердить, что меня лично всю жизнь материальные блага меньше всего интересовали. Поэтому в мое желание восстановить капитализм никто не поверит.

⁶) H. G. Wells, *Russia in the Shadows*, Лондон, 1920.

Но, может быть, мной руководил расчет на сенсацию? Но я не выходил на демонстрации, не писал писем протеста, не писал никаких сочинений. Т. е. и эта сторона меня тоже не интересует, и этот мотив отсутствует.

Что же еще можно придумать? Чего, собственно, я добивался? Так вот, это остается неясным. По-видимому, это не первый случай такого непонимания и, можно думать, не последний. Однако, рано или поздно понять это будет необходимо. Я пытался объяснить это во время допроса. Меня прерывали, и я не мог осветить это достаточно ясно. Я постараюсь это сделать сейчас.

Во время допроса я начал говорить, что имеется целый ряд серьезных отрицательных явлений нашей жизни, привлекающих мое внимание. Меня прокурор спрашивал, как все это можно совместить с нашими успехами в жилищном строительстве. Чтобы раз и навсегда выяснить этот вопрос, я скажу так. Мне известны наши достижения в жилищном строительстве, известны мне и наши успехи в ракетостроении. Хорошо известны. А также мне известно, что мы перекрываем Енисей и перекрыли Ангару, и наши успехи в области балета мне тоже известны⁷. Если уж говорить о том, что я распространял, — пожалуйста, могу вам сказать: в тех статьях, которые я написал, в тех лекциях, которые я читал, в тех кинофильмах, которые я консультировал, я очень много уделял внимания нашим положительным сторонам и успехам. Более того, я думаю, что и мой вклад в эти успехи есть, пусть маленький, но есть. Когда я уже находился в следственном изоляторе и читал статью в «Правде» о результатах исследования Марса советскими автоматическими станциями «Марс-2» и «Марс-3»⁸, я гордился, что, хотя меня и посадили, я еще работаю... Что уж тут говорить об успехах в жилищном строительстве?..

Но все это не снимает того, что в нашей действительности есть и серьезные недостатки. Очень серьезные. И патриотизм заключается не в том, чтобы не замечать их, а в том, чтобы видеть их ясно. Сейчас не место их подробно анализировать. Я просто в двух словах могу сказать, о чем здесь идет речь. О серьезности экономических проблем, об узости экономической реформы, о том, что наука у нас, к сожалению, находится в изоляции от мировой науки и техники. О том, что со страниц печати исчезли упоминания и даже термин «культ личности», о том, что цензурные ограничения стали неоправданно тяжелыми, о том, что обострился национальный вопрос, о том, что увеличилось количество судебных процессов по политическим мотивам. Но особенно сильно все это стало воспри-

7) Ссылка на песню Высоцкого.

8) См. ст. «Сов. автоматы исследуют Марс», «Пр.», 25. 8. 72, с. 3.

ниматься тогда, когда наступил 1968 год — год событий в Чехословакии. Не только для меня лично, но и для многих моих знакомых и вообще для многих людей, с которыми мне приходилось сталкиваться, это был тяжелый удар. И вызвал очень сильный шок.

Так вот, ответ на все эти проблемы, и перечисленные мною, и не перечисленные, я пытался найти в прессе. И не мог.

Одновременно с этим все чаще и чаще приходится сталкиваться с другим источником информации, с явлением, которое известно под названием «Самиздат». К нему можно по-разному относиться. Можно осуждать, можно хвалить... Но как к нему ни относиться, оно есть. Если подходить к вопросу диалектически, нужно понимать, что ничто в обществе не возникает просто так. Есть некое явление, плохое или хорошее, но уже возникшее... И каждый должен понимать, что привело к этому явлению. Сейчас это явление стало массовым. Оно стало уже социальным явлением. Я просмотрел академические иностранные словари и обнаружил, что во многие из них из русского языка проникло новое слово «самиздат». Мне кажется, что радоваться этому не приходится. Особенно, если учесть, что другим словом, которым обогатил русский язык другие языки за 10 лет до этого, — было слово «спутник»...

Так вот, Самиздат меня привлек с двух точек зрения. Во-первых, хотя бы потому, что я привык мыслить по-марксистски и понимаю, что это явление требует изучения и анализа.

Я хотел бы узнать, что такое Самиздат, каковы социальные корни этого явления, для чего и почему оно возникло. И второе: если я не нахожу ответа на те или иные вопросы на страницах официальной печати, то естественно искать их на страницах Самиздата. Вот те мотивы, которые меня привлекли к Самиздату.

Не случайно я говорил здесь о научно-технической интеллигенции. Это та самая интеллигенция, о которой прокурор сказал, что она не производит материальных ценностей. Гражданин прокурор, вы опоздали на двадцать лет! Вы прозевали такую вещь, как научно-техническая революция, которая лицо мира изменила!

Я мог бы — но не стану этого делать — привести десятки книг социологов и экономистов, которые показывают, что же принесла научно-техническая революция, в которых говорится, что в промышленно развитых странах в настоящее время 75% прироста национального дохода обусловлено не расширением производственных фондов, а расширением применения знаний, уровнем знаний, за счет труда интеллигенции. Я не буду этого делать. Я мог бы привести многие статьи и работы марксистских философов, но я приведу только один источник — «Программу КПСС», в которой

сказано, что характерной чертой переживаемого нами периода является то, что наука стала непосредственной производительной силой. Непосредственной, гражданин прокурор. Этот документ пора бы знать, пора бы знать «Программу КПСС», прежде чем высказываться...

(Судья: Вы должны обращаться не к прокурору, а к суду.

Любарский: Прошу прощения.)

Так вот почему я заинтересовался этим делом, этой проблемой. В самой природе научного работника — стремление составить собственное мнение о проблеме, если он серьезно заинтересовался ею. Говоря здесь о чтении той или иной литературы, прокурор предлагал мне птичками отметить, что нужно и что не следует читать. Для меня это звучит странно. Научный работник не может то или иное мнение брать со стороны. Суть научного работника: самому все узнать. В этом смысле идеалом научного работника был Маркс. И не только в этом. Вы знаете, что в ответ на анкету дочерей Маркс сказал: «Мой любимый лозунг — «Все подвергать сомнению». Я думаю, что для меня и людей моего поколения эта мысль Маркса была тем легче, что мы воспитывались в особое время. В то время, когда кибернетика была лже-наукой, в то время, когда генетика была объявлена фашиствующей, в то время, когда теория относительности была «идеалистическим вывертом». Это было время, когда вся философия — «суть философии всей», по словам Гейне, — вмещалась в четвертую главу «Краткого курса истории ВКП(б)», вся экономическая теория заключалась в «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталина, и не дай бог в сторону... Так вот, такое воспитание принесло плоды. И я не буду никогда никому верить на слово. Ни позже, ни сейчас. Но вот конкретный пример. Мне инкриминируется книга Джиласа «Новый класс». Об этой книге много писала зарубежная пресса. Писала и наша пресса. И «Литературная газета» опубликовала несколько ругательных статей. Ну и что же? Узнав из этих статей, что книга антисоветская, антисоциалистическая, я должен был принять это на веру и не читать, не интересоваться? Нет, конечно. Я слышал, что она претендует на новое слово в теории. Хорошо, дайте мне эту книгу самому почитать. Меня это интересует. Я достаю эту книгу и читаю. Да, я убедился, что с точки зрения теории там, как говорится, кот наплакал, в этом смысле хилал книжка, и действительно написана с вражеских позиций. Но это я должен был увидеть сам и только сам. И тот факт, что книга эта не пропущена в печать, еще не является достаточно квалифицирующим признаком того, что эта книга враждебна.

В Самиздате есть много книг безусловно ценных, важных, нужных, которые принесут огромную пользу, хотя на них нет никакого

грифа. Это социологические исследования Жореса Медведева, исторические труды Роя Медведева, статьи по правовым вопросам Чалидзе, философские труды Померанца. И художественная литература: Пильняк, Цветаева, Мандельштам, Ахматова. Кстати Твардовский, недавно скончавшийся, тоже обогатил Самиздат своей поэмой «По праву памяти», изъятой у меня. Так вот, тот факт, что та или иная литература еще не издана и не имеет штампа Главлита, еще не является квалифицирующим признаком ее антисоветской направленности. Неслучайно из огромного количества изъятой у меня литературы⁹ только десятая доля вошла в обвинительное заключение. Только десятая доля сочтена криминальной. Все остальное оказалось некриминально. Даже по мерке обвинения, я уже не говорю о сути. Но даже по мерке обвинения...

Обвинение пыталось представить меня как лицо, которое поставило себе одну единственную цель: распространять враждебную литературу. Можно ли с этим согласиться?

Информация — это хлеб научного работника. Как крестьянин работает с землей, рабочий — с металлом, — так интеллигент работает с информацией. Составить свое независимое мнение можно только владея информацией. Например, важно знать все обстоятельства прихода Сталина к власти, ибо уроки истории учат. Но нет книг на эту тему на прилавках магазинов — и вот я должен обратиться к Авторханову. Хотелось бы читать о политических судебных процессах на страницах газет, но нет таких материалов в газетах — и вот я обращаюсь к «Хронике». А что вы можете мне предложить взамен?

Вот те мотивы, которые привели меня к Самиздату.

Нормально ли явление Самиздата? Разумеется, нет. Это болезненное явление. При нормальном развитии общества все вопросы, обсуждения в Самиздате, должны рассматриваться на страницах газет. Только в ненормально развивающемся обществе большие вопросы загоняются в подполье, обсуждению их придается оттенок нелегальности. Атмосфера нелегальности придает Самиздату ряд отрицательных черт. Именно нелегальность питает подчас экстремизм, иногда проявляющийся в Самиздате. Именно нелегальность делает Самиздат особенно привлекательным для тех сил за рубежом, которые отнюдь не заинтересованы в демократическом развитии нашей страны, а преследуют свои корыстные цели. На Самиздат играют те, кто не заинтересован в устранении ошибок в нашем отечестве. Они на нем паразитируют. Правда, не следует преувеличивать эту опасность. Не надо считать, что враждебные силы — это инстанция, приговор которой непререкаем.

⁹ Всего было изъято свыше 500 наименований, из которых в обвинительное заключение вошло 55. (Прим. Автора).

История знает несколько примеров их просчетов. Например, германское правительство рассчитывало, что, пропуская Ленина в запломбированном вагоне через Германию, оно улучшит, вследствие большевистской пропаганды, свое военное положение на восточном фронте. А что они получили взамен? — Ноябрьскую революцию в Баварии как эхо Октябрьской революции. Враждебные силы ошибутся и сейчас. Демократизация не ослабит, а усилит позицию социализма в нашей стране. В 20-х годах вокруг нашей страны был установлен знаменитый «санитарный кордон», дабы воспрепятствовать проникновению идей из нашей страны на Запад. Неужели мы теперь сами будем устанавливать подобный «санитарный кордон»? Неужели теперь мы боимся? По опыту своих выступлений на антирелигиозные темы я знаю, что не имеет успеха тот лектор, который не знает Библии. Мне кажется, что твердые убеждения становятся прочнее, если они сталкиваются с враждебной идеологией.

Наконец, третье отрицательное свойство Самиздата: романтизм «запретного плода» привлекает в Самиздат молодых людей еще с неустойчивыми убеждениями (это придет позже), но влекомых атмосферой. Это приводит к тому, что судьбы их разломаны, разбиты. Тут перед нами прошли такие люди: Мельник, Попов. Я глубоко переживаю судьбу моих молодых товарищей. Мельника я знаю мало, но его судьба мне не безразлична, ибо «никогда не спрашивай, по ком звонит колокол». Попов мне особенно близок — это мой ученик. Именно желая облегчить судьбу этих людей, я и написал в марте месяце свое заявление об отказе от Самиздата как метода. Прокурор пытался исказить смысл этого заявления, говоря, что я якобы осудил свою деятельность и назвал ее преступной. В том, что это ложь, легко убедиться по тексту самого заявления. Ничто в нем не должно рассматриваться как отказ от моих политических убеждений. Убеждения — не перчатка, их на ходу не меняют. Речь в заявлении шла о Самиздате только как о методе и ни о чем более. Я никогда не считал свою деятельность преступной. Прокурор пытался показать, что заявление мое было продиктовано страхом. Удивительно, как можно гордиться тем, что вы внушаете страх?! Вам бы стремиться, чтобы вас понимали, а вы хотите, чтобы вас боялись! Что ж, перед вами тут стоял раздавленный страхом Попов. Вы рады такому союзнику? Но я могу вас заверить, что ни на следствии, ни здесь ни один мой шаг не был продиктован страхом. Страх вообще чувство, недостойное человека. На страхе коммунизм не построишь. Конечно, я не самоубийца, и перспектива лагеря меня вовсе не радует. Но если человек обладает внутренней свободой, то потеря внешней свободы не

так уж важна. Ибо свобода — это преодоленная необходимость. Мой уход из Самиздата — это лишь факт моей биографии. На мое место наверняка придут десятки других, привлеченных этим процессом, и, насколько я могу судить о происходящем в этом зале, это уже началось.

Как ликвидировать Самиздат? Самиздат — это раковая опухоль в ненормально развивающемся организме. И ее не разрешить проблемой ножа — возникнут метастазы... Можно арестовать и посадить еще десятки математиков, физиков и астрономов и наказать их производить материальные ценности. Но это не самый экономичный способ использования научно-технических кадров в период научно-технической революции. И неэффективный метод ликвидации Самиздата. До сих пор каждый такой процесс рождал цепную реакцию других процессов. Если в 1966 г. был только один такой процесс — Синявского и Даниэля, то сейчас их ежегодно насчитываются сотни.

(Судья: Это информация, которой суд не располагает).

Ликвидировать Самиздат можно, только поняв, что это не прихоть нескольких злонамеренных лиц, а социальное явление, отвечающее назревшей потребности: «Если звезды зажигают — значит это кому-нибудь нужно». То, что потребность в информации, не находящей места на страницах официальной печати, существует, доказывается тем, что издаются нумерованные книги типа «Сталинистской России» Клиффа. Если бы все в них было клеветой, зачем было их издавать? Необходимо сделать так, чтобы люди могли черпать информацию не со страниц Авторханова, распространяемого в Самиздате, или «Сталинистской России», распространяемой по списку, а открыто, со страниц прессы. Ленин говорил, что при социализме каждая кухарка должна уметь управлять государством, а это значит, что массы должны все знать, все понимать. «Свобода печати, — писал Ленин, — означает: все мнения *всех*¹⁰ граждан свободно можно оглашать»¹¹. Далее на I конгрессе Коминтерна в 1919 г. В. И. Ленин говорил: «Действительной свободой и равенством будет такой порядок... в котором... не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой»¹².

Вот оно, единственное решение проблемы Самиздата — введение подлинной свободы печати. И нет другого пути. Не следует откладывать это на далекое будущее. Шекспир мудро сказал: «Время всегда на то, что происходит в нем».

10) Курсив В. И. Ленина.

11) В. И. Ленин, т. 21, стр. 152, издание третье.

12) В. И. Ленин, издание 3-е, т. 24, стр. 10.

Если есть мысль поистине антисоветская, то это мысль о том, что в столкновении двух идей, социалистической и антисоциалистической, социалистическая непременно потерпит поражение. Но это не моя мысль, а мысль прокурора, доведенная до ее логического конца. Конечно, она ложна. Свобода печати не приведет к ослаблению социализма. А критика будет, и бояться ее не надо. Пора понять, что патриот не тот, кто всегда кричит «ура» и голосует «за». Такой патриотизм часто скрывает за собой только любовь к собственным теплым местам. Сколько горя принес такой «патриотизм» нашей стране! Но есть и другой вид патриотизма, о котором писал еще Некрасов: «Кто живет без печати и гнева, тот не любит отчизны своей». Такой патриотизм приносит тем, кто его разделяет, мало выгоды, но он заслуживает уважения, а не репрессий.

Перейду теперь к разделу обвинительного заключения об устной пропаганде. Он занимает не много места, но, в некотором смысле, является важнейшим, ибо здесь речь идет не о воззрениях авторов произведений Самиздата, которые я мог разделять или нет, а о моих собственных воззрениях. Я никогда не скрывал их. Я открыто высказывал свои политические убеждения в беседах и со своими друзьями, и со всеми своими знакомыми, которых насчитываются сотни. И никто из них никогда не считал мои воззрения враждебными моей стране. И это общее мнение укрепляет меня в моей правоте. Если против одного прокурора, который считает меня врагом своей страны, есть сотни людей, думающих иначе, можно еще жить!

Пункт об устной пропаганде возводит на меня обвинение в клевете. Клевета — это юридический термин. И следствие должно было бы доказать, что я не только лгал, но и лгал заведомо. Между тем, такой вопрос даже и не вставал на следствии — так оно было убеждено в моей полной уверенности в своей правоте. Например, вопрос о ЧССР, который не раз поднимался на следствии. Следователь не раз выражал сожаление, что не может опровергнуть мои аргументы ввиду своей неподготовленности к спору. И вот теперь это обращается в формальное обвинение в клевете. Термин «клевета», лишенный доказательности, перестает быть юридическим термином и превращается в простую брань по адресу обвиняемого. Я готов выслушать приговор, но не оскорбления. Я требую полностью исключить эту терминологию из приговора.

Другая особенность пункта об устной пропаганде такова. Я не юрист, и за разъяснением закона мне естественно обратиться к популярной юридической литературе. Для чего же и ведется правовое просвещение? И вот, обращаясь к книге «Особо опасные государственные преступления» (М., 1963 г., колл. авторов), читаем: «...пре-

ступления (по ст. 70) не будет... в тех случаях, когда лицо выступает с критикой тех или иных мероприятий КПСС и Советского правительства или оценивает их как неправильные. Поэтому, например, несогласие лица с освоением целинных и залежных земель, критика внешней политики СССР, неодобрение помощи другим странам со стороны СССР и т. п. не может явиться основанием для привлечения к уголовной ответственности».

А теперь посмотрим, какие же высказывания инкриминируются мне в обвинительном заключении? Разве не такие же, как те, о которых идет речь в цитате? Что ж, включите их в приговор. Но вынесите заодно и частное определение в адрес Госюриздата, который своими публикациями вводит советских граждан в заблуждение. Позиции прокурора, который отождествляет любую критику беззакония с антисоветизмом, многие порадуются. Последыши 37-го года рады будут укрыться под сень статьи 70 УК. Тут прокурор говорил о борьбе, которая идет во всем мире, о бомбах, которые падают во Вьетнаме. Да, опасность бомб есть, но есть и другая опасность, о которой нельзя забывать, — опасность возрождения сталинизма.

(Судья: прерывает замечанием, что это не относится к делу.)

В числе моих якобы клеветнических высказываний в обвинительном заключении упоминается мое убеждение о том, что в СССР людей судят за убеждения. Если даже это не так, то пусть этот суд станет первым, когда человека осудят за убеждения. И не надо ссылаться на то, что судят не за убеждения, а за их распространение. Подтвердить такую позицию приговором — значит официально воспитывать в советских людях лицемерие: думай, что хочешь, но говори противоположное. А между тем, еще Герцен говорил: «Громкая открытая речь одна только может удовлетворить человека». А его соратник Огарев ему вторил: «Только выговоренное убеждение свято».

В этом процессе есть одна деталь, придающая ему особую остроту: речь идет об одном из объектов моей устной пропаганды, о Владимирском. Суд выяснил, какие узы тесной дружбы (двадцать пять лет) связывали меня с этим человеком. Ближе человека у меня не было. И вот наши беседы наедине, наши интимнейшие раздумья и споры вдруг стали предметом уголовного расследования. Станный прецедент! В качестве контраста мне хочется привести ту позицию, которую занимал великий вольнодумец Вольтер: «Ненавижу ваши идеи, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели право их выразить». Если отбросить все юридические ухищрения и обнажить самую суть вопроса, то он окажется очень простым. Ответ на него важен не только для меня, но и для вас,

граждане судьи, и для всех находящихся в этом зале, да и за его пределами: будет или нет накануне 50-летия СССР разговор наедине двух закадычных друзей признан уголовным преступлением, будет или нет?

Переходя к конкретной мере наказания, предлагаемой прокурором, — 5 лет строгого режима + 2 года ссылки, — хочу напомнить, что в дополнение к приговору, который вы мне вынесете, я получу тем самым и дополнительную меру наказания: 5 лет лишения прописки, т. е. всего 12 лет отрыва от семьи. А теперь сопоставьте это с тем, что в 1897 г. Ленин за создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был приговорен к трем годам — и не лагеря, а ссылки в Шушенское. Кто же опаснее: Ленин для царской власти или я для советской? Кроме того, согласно современным исследованиям, 3 года — это срок, за который научный работник полностью теряет свою квалификацию, если оказывается оторванным от активной работы и регулярного чтения литературы, т. е. хватит и трех лет, чтобы навсегда вычеркнуть меня из научной деятельности. Или в ужесточении наказания прокурор видит прогресс социалистической гуманности?

Я очертил здесь перед вами тот комплекс проблем, который поднимает настоящий процесс, лишь называемый уголовным, а на самом деле являющийся политическим. Разумеется, суд не может решить всех этих проблем, но повлиять на их разрешение в его силах. Можно еще дальше развивать эскалацию репрессий, поддерживающих неестественную напряженность, а можно, поняв остроту проблем, содействовать смягчению этой напряженности. Поэтому я сейчас призываю суд лишь к одному: умеренности и сдержанности.

Благодарю.

г. Ногинск, Московской области, 30 октября 1972 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ*

У меня есть смутное ощущение вины, которое коренится, вероятно, в исконном для нас отсутствии правосознания. Мой друг, ленинградский писатель и историк Михаил Хейфец, уже более месяца находится в следственной тюрьме. По дошедшим до нас отголоскам, он арестован за издание в Самиздате пятитомника Иосифа Бродского и за свою статью о его стихах.

Следователь прекрасно знает, что Самиздат — не издательство, знает он также, что Хейфец непричастен к собиранию стихов Бродского. Всем известно, что в течение трех лет стихи собирал я, потому что Бродский, как всякий большой мастер, никогда не хранил, щедро раздаривал свои стихи. Я хотел собрать их, чтобы сохранить для русской культуры все, что сделано этим великим поэтом. Те люди, которые сейчас причастны к гонениям на Бродского, еще при своей жизни будут им гордиться. Я же предпринял и еще один шаг, чтобы сохранить с таким трудом собранные тексты — отправил их за границу, где сейчас живет и автор. Может быть, это кому-то не понравится, но мною двигала лишь забота о русской культуре. Я вовсе не герой. Но не был героем и мой дед, деревенский священник, который почему-то не сложил сана и предпочел в 1931 году умереть в Соловках. Вероятно, не был героем и мой отец, рабочий, еврей, ушедший добровольцем на фронт и убитый в 1942 году под Ленинградом. Приходит время каждому сделать что-то свое.

При обыске 1 апреля у меня были отняты все мои рукописи. Не мне судить, хороши они или нет, но я уверен, что все, написанное нами, не случайно, и писатель имеет обязательство перед своими рукописями. Поэтому я собрал их вновь (люди сохранили) и вновь послал за рубеж. Если какие-либо издательства или журналы заинтересуются моими рассказами или повестями, пусть знают — мое согласие на печатание теперь вполне обдуманно.

И последнее. У арестованного Михаила Хейфеца — двое маленьких детей, оставшихся без всяких средств. Любая помощь, любое

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС. 1757. Владимир Марамзин арестован в конце июля 1974 г.

доброе слово полезно сейчас ему и его семье. Имя Хейфеца не слишком известно широкому читателю, хотя он напечатал две книги — историческое исследование и роман о народовольцах¹, не считая многих публикаций². Но ведь печально, если станет законом, что известность писателя начинается с момента суда над ним.

Михаил Рувимович Хейфец живет в Ленинграде, Новороссийская улица, дом 22, квартира 45. Его жена — Глаголева Раиса Владимировна, дочери — Наташа, 7 лет, и Оля, 5 лет, проживают по этому же адресу.

Ленинград, 30 мая 1974 г.

1) «Секретарь тайной полиции» (М., «Мол. гвардия», 1968) — повесть о Ник. Василь. Клеточникове (1847-83). Положит. рецензии см.: К. Косцинский, «Звезда», 1969, № 6, и Л. Константинов, «Мол. коммунист», 1969, № 2. Константинов пишет: «Автору удалось создать произведение, в котором органически сплелись достоинства приключенческого сюжета и серьезность научной работы».

Клеточников был «по процессу 20-ти приговорен к смерти. казни, замененной пожизнен. каторгой. Содержался в Алексеев. равелине Петропавлов. крепости. Умер после голодовки» («Сов. ист. энц.», т. 7).

2) Напр., «Наследники Коммуны жили в России» и «Тарту — деловой город» (см. журн. «Аврора», 1971, № 3, 1972, № 10).

ЗАЯВЛЕНИЕ В СЕКРЕТАРИАТ МО СП РСФСР*

Я не приду на ваше заседание, потому что оно будет происходить при закрытых дверях, втайне от общественности, то есть нелегально, а я ни в какой нелегальной деятельности принимать участия не желаю.

Нам не о чем говорить, не о чем спорить, потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут.

Секретариат в нынешнем его составе не является демократически избранным органом, а навязан Союзу писателей посторонними организациями. Ни весь секретариат в целом, ни каждый из его членов в отдельности не могут быть для меня авторитетами ни в творческом, ни тем более в нравственном отношении. Два-три бывших писателя, а кто остальные? Посмотрите друг на друга — вы же сами не знаете, что пишет сидящий с вами или напротив вас. Впрочем, про некоторых известно, что они ничего не пишут.

Я готов покинуть организацию, которая при вашем активном содействии превратилась из Союза писателей в союз чиновников, где циркуляры, написанные в виде романов, пьес и поэм, выдаются за литературные образцы, а о качестве их судят по должности, занимаемой автором.

Защитники отечества и патриоты! Не слишком ли дорого обходится отечеству ваш патриотизм? Ведь иные из вас за свои серые и скучные сочинения получают столько, сколько воспеваемые вами хлебоборобы не всегда могут заработать целым колхозом.

Вы — союз единомышленников... Один ограбил партийную кассу, другой продал казенную дачу, третий положил кооперативные деньги на личную сберкнижку... За двенадцать лет своего пребывания в Союзе я не помню, чтобы хоть один такой был исключен.

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1624. Текст опубликован в газ. «Русская мысль», 28. 3. 74; англ. выдержки см. Рейтер и ЮПИ, 20. 2. 74, газ. «Инт. геральд трибюн», 21. 2. 74.

Владимир Николаевич Войнович, автор АС № 1484, повести «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (см. «Хр.» № 18, 26), подписал №№ 16, 220, 1541, 1542. Летом 1973 Войнович отказался подписать письмо, критиковавшее А. Сахарова, в результате чего издательства возвратили его текущие рукописи с уведомлением о их непринятии (см. Р. Кайзер, «Вашингтон пост», 18. 9. 73).

Но стоит сказать честное слово (а иной раз просто промолчать, когда все орут), и тут же следует наказание по всем линиям — набор книги, над которой ты работал несколько лет, раскидают, пьесу запретят, фильм по твоему сценарию положат на полку. А за этим вполне прозаическое безденежье. И вот ты год не получаешь ни копейки, два не получаешь ни копейки, залез в долги, все, что мог с себя продал, и когда дойдет до самого края, и если ты за эти два года слова неосторожного не сказал, к тебе, может быть, снизойдут и подарят двести-триста рублей из Литфонда, чтобы потом всю жизнь попрекать: «Мы ему помогали, а он...» Не надо мне помогать, я не нищий. Я работаю не меньше вас и не хуже вас. У меня есть читатели и зрители. Не стойте между ними и мной, и я в вашей помощи нуждаться не буду.

Я не приду на ваше секретное заседание. Я готов полемизировать с вами на любом открытом собрании писателей, а, если хотите, рабочих, от имени которых вы на меня нападаете. В отличие от большинства из вас, я сам был рабочим. Одиннадцать лет я начал свою трудовую жизнь пастухом колхозных телят. Мне приходилось пахать землю, месить на стройке раствор, стоять у станка на заводе. Четыре года я прослужил солдатом Советской Армии. На открытом собрании я хотел бы посмотреть, как вам удастся представить меня акулой империализма или агентом иностранных разведок.

Ложь — ваше оружие. Вы оболгали и помогли вытолкать из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом удастся занять его место. Ошибаетесь! Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду.

Москва, 19 февраля 1974 г.

Михаил НАРИЦА

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ*

Прошу всех честных людей мира не считаться ни с какими претензиями СССР на мои произведения, от кого бы они ни исходили от организаций или от моих родственников. Я не считаю себя гражданином СССР. Я здесь лишен всех человеческих прав и материальных средств существования. Я был бы рад, если бы некая группа людей, которым близки мои мысли, взяла на себя активную заботу о моих литературных интересах. Интересы же мои заключаются не в увеличении гонимых, а в том, чтобы все, что я написал, было доступно наибольшему числу читателей, на каком бы языке они ни говорили. Привожу перечень моих произведений:

Роман «Неспетая песня» (в 1971 году я переделал первую и вторую его части, отнюдь не в угоду коммунистам); повесть «Начало или конец?»; рассказы и очерки: «Преступление и наказание», «Мама, я не буду бояться», «И еще раз о любви» и др.; статьи: «Голые короли», «Воспитание», «Самовоспитание», «Куда идти искусству?»; книга по теории изобразительного искусства «Рисование. Перспектива» (два экземпляра рукописи этой книги, с иллюстрациями, были украдены кагэбешниками. Они мне навязывали ложного соавтора для этого произведения, от чего я решительно отказался).

Я не предполагаю, что мне удастся долго жить, так как «заботы» кагэбешников о моей жизни и здоровье все возрастают. Прошу не верить информации моих родственников об обстоятельствах моей смерти и о состоянии моего здоровья перед смертью.

Хочется, чтобы мыслящие люди за рубежом извлекали бы из нашего страшного опыта только верные идеи. Истинный гуманизм не в жалости к негодю, а в жалости к его жертвам. Не гуманизмом, а антигуманизмом является все то, что способствует ухудшению человеческой породы. Нужно немедленно начать значительное и постоянное улучшение самих себя и своих детей. Не беда, если это

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1596. Михаил Александрович Нарича-Нарьмов, р. 1909 на Псковщине, художник, учитель и литератор, в 1935 арестован и осужден на 5 лет лаг., в 1949 арестован и в 1950 сослан в Караганду, в 1957 реабилитирован, в июле 1961 передал на Запад свою кн. «Неспетая песня», 13. 10. 61 арестован, принудление в Ленингр. спецпсихбольнице, в 1964 освоб.; автор АС №№ 235, 578.

поймут вначале только незначительные группы людей. Им скоро начнут подражать и другие. Не следует, однако, забывать, что эти группы могут подвергнуться истреблению. До сих пор не понята по-настоящему суть сталинщины. Это была (и есть), прежде всего, массовая оргия уничтожения всего, много или мало возвышающегося по уму над средним уровнем. Не забывайте, что эту истребительскую работу завистливая посредственность делает охотно, когда это поощряется. У нас не бывает недостатка в палачах. А что касается стукачей и лжесвидетелей, то эти всегда есть в большом избытке.

В мире поражает активность злых и пассивность добрых сил. Чудовищно активны всякого рода насильники, террористы, властолюбцы, карьеристы, хвастуны, а те, кто добрее и умнее, надеются отсидеться на бутафорских нарах, даже не пытаясь сблизиться, объединиться. Мне возразят, что в настоящее время и добрые силы становятся активнее. В добрый час! Но пока «не по уму усердие», как у тех, так и у других.

Люди, к сожалению, более склонны к слепому подражанию, чем к мышлению. Поэтому общество всегда будет легко уязвимо для разных злых активистов, пока самые влиятельные его члены не станут достойным образцом для всех в области потребления и общения. «Честь обязывает», — говорили в старину. В наше время к этому необходимо добавить: деньги обязывают. Искажение этой обязанности и приводило к гибели прежние цивилизации.

Выражаю восхищение героическими действиями Сахарова, Солженицына, Буковского, Амальрика, Максимова и многих других против духа предательства, против мнимой разрядки напряженности, против поверхностного умиротворения агрессоров, потерпевших полное поражение во всех областях мирной деятельности.

2 октября 1973 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ*

25 апреля Ученый совет Ленинградского педагогического института им. Герцена освободил меня от работы в институте, где я преподавал 23 года, и лишил ученого звания профессора. В тот же день состоялось заседание ленинградского секретариата Союза писателей, и я был исключен из Союза, в котором состоял около 20 лет. Все это происходило в мое отсутствие, — я болел. Зато в обоих заседаниях принимали участие представители КГБ. На Ученом совете был оглашен документ, озаглавленный «Справка», в котором перечислялись мои «преступления» перед Советским государством. Это список вырванных из контекста, произвольно истолкованных отдельных фраз или иных ничем не мотивированных обвинений; он содержит, например, упоминание о моих «методологических ошибках» 1949 года — года, когда у нас теория относительности и кибернетика объявлялись идеологическим бредом, а Т. Д. Лысенко и его ученики рекомендовали выращивать дуб на вязе.

В «Справке» упоминается о том, что в 1964 году я выступал свидетелем защиты по делу И. Бродского и не раскаялся в этом. Глухо говорится, будто бы у меня хранилась рукопись А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» — последнее обвинение основано на сбивчивых показаниях машинистки Е. Д. Воронянской. Как уже известно мировой общественности, эта семидесятилетняя женщина покончила с собой после нескольких допросов в августе 1973 года. Другие обвинения столь же мало мотивированы: они подкреплены ссылкой, например, на неизвестного мне бывшего власовца, которому якобы что-то говорила про меня та же Воронянская. В конечном счете все обвинения сводятся к тому, что я лично был знаком с Иосифом Бродским и Александром Солженицыным, встречался с ними и даже, как сказано в «Справке», «оказывал практическую помощь». Этих обвинений оказалось достаточно, чтобы сделать вывод, сформулированный в той же «Справке»: «Эткинд сознательно, на протяжении долгого времени проводил идеологически

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1740. Текст опубликован в газ. «Русская мысль», 30. 5. 74, англ. выдержки см. Р. Кайзер, «Гардиан», 29. 5. 74.

вредную и враждебную деятельность. Он действовал как политический двурушник». А вывода этого было достаточно для профессоров института, являющихся членами Совета, и для секретарей Союза писателей, чтобы подвергнуть меня гражданской казни. Ни один из них не поинтересовался моей реальной биографией, ничуть не похожей на тот перечень прегрешений, который содержится в «Справке». Я ведь не только делал «методологические ошибки», но и, скажем: воевал четыре года. Это при совершении обряда гражданской казни не учитывается. Что же влечет за собой такая казнь? А вот что:

Будучи уволен из института, я лишен возможности преподавать; будучи исключен из Союза писателей, я не имею возможности публиковать мои работы. Запрет распространяется даже на мое имя. На основании ряда бессодержательных обвинений начисто стирается моя многолетняя научная и литературная работа, а я сам и моя семья фактически лишаемся средств к существованию.

Да, я знаком с А. Солженицыным. Да, я выступал свидетелем по делу Иосифа Бродского и по мере сил помогал молодому поэту публиковать переводы, которые давали ему кусок хлеба. Да, я писал книги и статьи, в которых пытался высказывать собственные взгляды на французскую литературу, русский стих, немецкую драматургию. Все это я делал в твердой убежденности, что способствую росту отечественной культуры, во имя которой живу. Занимаясь теорией и историей художественного перевода, я был твердо уверен, что способствую дружбе между народами, говорящими на русском, французском и немецком языках.

В «Справке» все мои сочинения названы «вредными», «вражескими». Однако, десятки критиков и сотни читателей с одобрением и благодарностью отзывались о таких моих книгах, как «Поэзия и перевод» (1963), «Об искусстве быть читателем» (1964), «Семинарий по французской стилистике» (1965), «Французские стихи в переводе русских поэтов» (1969 и 1973), «Разговор о стихах» (1970), «Бертольд Брехт» (1971), «Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина» (1973).

И вот оказалось достаточно двух-трех фраз из частных писем и записок, фраз, не ставших достоянием гласности, чтобы зачеркнуть все написанные мною книги и другие, возможные будущие книги, и чтобы лишить ученого и литератора возможности разговаривать со студентами и читателями, обречь его на немоту, на гражданскую смерть.

Мое поколение хорошо помнит собрания 1949 года: в ту пору из университетов выгоняли лучших профессоров, наших учителей, а из литературы — лучших писателей. Я не сравниваю себя

с ними. Но мое поколение до смертного часа не забудет кровавого единодушия, с которым ораторы на таких собраниях клеймили Жирмунского, Эйхенбаума, Азадовского, Гуковского¹, и требовали их немедленного устранения из Ленинградского университета. Прошло ровно четверть века. Правда восторжествовала. Издаются и переиздаются книги настоящих ученых, некогда гонимых и даже уничтоженных физически, а писания хулителей преданы забвению, их имена окружены презрением. Казалось бы, возродить 1949 год невозможно...

Увы, не только возможно, но и куда как просто! Профессора, писатели, поэты знают своего коллегу по многу лет, но им сказали, что их коллега государственный преступник — и они торопятся верить. Ведь не поверивший — сам преступник. Им говорят, что он совершал «методологические ошибки» в 1949 году — и они не вдумываются в то, какой абсурд им сказали: они не слышат даты «1949», а только привычно-пугающие слова об ошибках, и соглашаются казнить. Им говорят, что их коллега «использовал свое общественное положение для протаскивания в своих работах взглядов, враждебных Советскому строю» (это из «Справки») — и они забывают, что каждая книга проходит через многоступенчатый контроль редакторов и рецензентов, цензоров и комитетов по делам печати, забывают об этом, и соглашаются казнить. И казнь эту совершают единогласно. Единогласие было необходимым условием процедуры и в ту давнюю пору.

А ведь за четверть века, казалось бы, должна была вырасти новая общественность, должно было воспитаться в людях гражданское самосознание. Возможно ли, что нас так легко отбросить на 25 лет назад?

Возможно ли, что люди не накапливают исторический опыт? Что их ничему не научил хотя бы «Новый мир»? Что они забыли о стихах Твардовского, о покаянных статьях Симонова, о самоубийстве Фадеева, о возрождении из праха Булгакова, Бабея, Мандельштама, Ахматовой и многих других? Возможно ли сегодня, в 1974 году, пользоваться доводами той поры и, вызывая общее одобрение, ссылаться на 1949 год?

Нет, я верю в прогресс, в новую общественность, в рост гражданского самосознания. Я верю в то, что отбросить нашу страну на 25 лет назад не удастся никому. И еще я верю в демократические силы современного мира.

Ленинград, 3 мая 74 г.

¹ Виктор Максимович Жирмунский, 1891-1971, лингвист и литературовед, член-корр. АН СССР с 1939; Борис Михайлович Эйхенбаум, 1886-1959, литературовед и текстолог; Марк Константинович Азадовский, 1888-1954, литературовед и фольклорист; Григорий Александрович Гуковский, литературовед и академик.

3. Авторы Самиздата в защиту преследуемых за свои убеждения

«Я БОЛЬШЕ НЕ ВЫДЕРЖУ!»*

Эти слова принадлежат узнику каторжной Владимирской тюрьмы Валентину МОРОЗУ — духовно сильному, мужественному человеку.

— Я больше не выдержу...

Валентин Мороз, историк по профессии, бывший преподаватель Луцкого педагогического института Украинской ССР, в июне 1970 года был вторично арестован и вторично осужден по ст. 62 УК УССР («Антисоветская агитация и пропаганда»)¹.

В. Морозу вынесен жесточайший приговор — тринадцать лет лишения свободы, из них *шесть лет тюрьмы* — за написанные им книги и статьи! Вот перечень его работ, признанных преступными: 1. «Репортаж из заповедника имени Берия»²; 2. статья «Среди снегов» — о непоследовательном, непринципальном поведении Ив. Дзюбы; 3. статья, адресованная белорусской поэтессе Евдокии Лось, стихи которой В. Мороз критикует за отсутствие в них духа национального самоутверждения, автор статьи выступает против русификации Белоруссии³.

*

Отбывать наказание Валентин Мороз был направлен во Владимирскую тюрьму. Там его поместили в камеру, где находились два уголовных преступника-садиста. Долгое время они *совсем* не давали В. Морозу спать, поочередно дежуря для этого у его койки.

Все просьбы жены о переводе мужа в другую камеру оставались тщетными. «Он находится с такими же, как и он сам», — заявляли ей.

И вот однажды — измученного бессонницей В. Мороза сокамер-

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1676.

1) Валентин Яковлевич Мороз осужден 2-й раз 17-18 ноября 1970 г.

2) Работа написана В. Морозом в Дубровлаг, где он отбывал наказание (4 года лишения свободы) после первого ареста в 1965 году. По делу о «Репортаже» В. Мороз в течение 1967 г. находился в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы, однако тогда срок наказания за эту работу ему не был прибавлен. (Прим. Автора).

3) Статья «Моисей и Датан».

ники едва не убили, ножом располосав ему брюшную полость. Тюремное начальство вынуждено было отправить В. Мороза в больницу. Сразу после выхода из больницы (1972 г.) В. Мороз был привезен в Киев свидетелем по делу так называемых украинских националистов. Не добившись от него никаких показаний, органы КГБ отправили его обратно во Владимирскую тюрьму.

После настойчивых просьб жены В. Мороз был переведен в камеру одиночного заключения. Там он находится и сейчас в состоянии крайнего физического и нервного истощения. Он близок к гибели.

Во время свидания 9 октября 1973 г. Валентин Мороз просил жену похлопотать об изменении формы наказания — о досрочном переводе его из тюрьмы в лагерь. Свидание было очень тяжелым. Обычно очень уравновешенный, спокойный Валентин Мороз не был похож на самого себя. В состоянии крайнего нервного напряжения, раздражительности, близкий к истерике, он упрекал жену о том, что она не прилагает достаточных усилий для облегчения его участи, умолял и одновременно требовал сделать что-нибудь для его спасения, спасения его жизни.

— Я больше не выдержу!

*

Философ Кант говорил, что две вещи больше всего удивляют его: звезды на небе *и закон добра в человеке*.

Я пишу эти строки в надежде, что этот удивительный закон — закон добра в человеке — восторжествует, и зло отступит.

Но отступит оно только тогда, когда раздастся упорный и спокойный голос добра многих людей.

Так пусть каждый человек найдет это добро в самом себе, и пусть раздастся этот голос — *голос добра против зла*, — и, я верю, зло отступит!

ВАЛЕНТИН МОРОЗ не погибнет!

Москва, 3 апреля 1974 г.

ОБРАЩЕНИЕ*

Обращаюсь к вам с надеждой, что вы, беспристрастно рассмотрев те материалы, которые мне с величайшим трудом удалось собрать, не останетесь равнодушными к судьбе моего удивительного друга, вдумчивого молодого ученого Леонида Ивановича Плюща³.

Очень прошу вас переслать эти материалы вместе с вашим квалифицированным заключением либо лично Генеральному Секретарю ООН господину Курту Вальдхайму, либо в Комиссию защиты прав человека при Социально-экономическом Совете ООН.

Благодарная вам за ваш труд и участие, с надеждой получить ответ

(Подпись) Т. Ходорович⁴

Татьяна Сергеевна Ходорович,
СССР, г. Москва И-41, пр. Мира,
д. 68, кв. 156.
Тел. 281-88-15.

PS. Прошу сделать мой очерк и иллюстрирующие его материалы достоянием гласности.

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1550.

1) Вероятно World Federation of Mental Health.

2) Вероятно International Commission of Jurists (Женева).

3) В середине янв. 1974 Л. Плющ находился в Днепропетровской психбольнице спец. типа, в исключительно тяжелом положении, говорят, что ему дают галоперидол.

4) Лингвист, бывш. мл. научн. сотр. Ин-та рус. яз. АН СССР, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР.

НАКАЗАНИЕ БЕЗУМИЕМ

УЧЕНЫЙ И ГОСУДАРСТВО

Еще одна карательная акция против «инакомыслия»: 29 января в Киеве осужден к заключению в тюремную психбольницу ученый-математик, психолог и литератор Леонид Плющ.

Л. Плющ пошел по пути Петра Григоренко, Ивана Яхимовича, Виктора Фйнберга, Владимира Борисова, Натальи Горбаневской, Владимира Гершуни — в свое время открыто и мужественно протесовавших против беззакония и дискриминации, нарушения гражданских свобод, возрождения в стране черной тени сталинизма.

Заточение в сумасшедший дом, *наказание безумием* — трудно вообразить более жестокий и безнравственный способ расправы государства с гражданином, не захотевшим жить и мыслить по его доктринам.

Я не стану, даже не пытаюсь, проводить какую бы то ни было «антиэкспертизу», то есть скрупулезно, используя медицинские термины, доказывать полную психическую нормальность Леонида Плюща.

Л. Плющ для меня не только *нормальнее* любого из казнивших его государственных психиатров, он *нормальнее* всего департамента, по чьей указке была угодливо организована эта казнь. Уж гораздо результативнее было бы рассмотреть с точки зрения психиатрической нормы логику *их* характеров и поступков, и я верю, что рано или поздно такое исследование будет проведено.

Да, мозг Плюща — необычный, высокий мозг. Может быть, на первый взгляд несколько разбросанный в своих интересах. Кибернетика и психиатрия, древнеиндийская философия и структурная лингвистика, история иудаизма и теория игры в нарды... Того, кто бывал в его квартире и видел его библиотеку — рассыпающиеся под тяжестью томов, подпирающие потолок самодельные стеллажи — поражала пестрота этого собрания. Довоенный много-томник Ленина в красных матерчатых переплетах и стопа тонких разрезных книжек Леонида Андреева из приложений к дореволюционной «Ниве»... Маркс и Толстой, Достоевский и Ибсен, Фрейд и Швейцер... Каждой новой книге Плющ радуется востор-

женно и жадно. Нет, это не слепая страсть коллекционера. Он выжимает из книги все, что может понадобиться в дальнейшем для строительства новой, *своей*, мысли.

Разносторонность интересов не означает, что Плющ в своем творческом поиске «растекается мыслью по древу». Основное направление его работы определяется достаточно четко. Аналитик по складу ума, математик-теоретик, Плющ живет в прекрасном и стройном мире математической логики. Тем не менее, его волнуют главным образом проблемы человеческих отношений — мир хаотический, неподчиняемый, нервный.

Плюща глубоко волнуют проблемы общественной нравственности. Он пытается понять психологию предательства, отступничества от нравственных идеалов — как в плане личностном, так и общественном, социальном. Существует ли, образно говоря, «ген предательства»? Почему в отдельные периоды истории оно так всеохватно разливается? Его интересует общество, в котором человеческие отношения искривляются настолько (почему?), что безнравственность, отступничество, ренегатство становятся не то что нормой поведения — чуть ли не образцами гражданской доблести. Как лечить такое общество и исцелимо ли оно?

Плющ много думал над работой о психологии ренегатства и психологии «общественного непротивления», пассивности масс, определяемой классической формулой «моя хата с краю». Его интересовало поведение русской интеллигенции в прошлом и настоящем, истоки и причины ее нравственной деградации в отдельные исторические эпохи.

Еще во время московского процесса над А. Гинзбургом и Ю. Галансковым (1968 г.) Плющ пытался понять, объяснить для себя линию поведения В. Добровольского — человека невысокого нравственного уровня, оговорившего на процессе своих товарищей. Что это, — спрашивал Л. Плющ, — *случайность*, как результат слабости отдельной человеческой натуры или *причинный след*, запрограммированное проявление нравственной порчи какого-то поколения в своих потомках?

Размышляя в последние годы над некоторыми умозаключениями Фрейда, Л. Плющ наметил оригинальную теорию о роли *общественного подсознания* в историческом процессе. Он писал о взаимоотношениях между этим, внутренним пластом и сферой общественного сознания, о вулканических прорывах подсознательного сквозь корку официального миропонимания, о значении подсознания в подготовке и ускорении смены общественных отношений.

Эта теория была сформулирована в черновом очерке «Обмолвка реакции», который вошел затем в более крупную работу «Наследники Сталина».

Следует сказать, что почти все известные этико-социологические статьи Плюща, в том числе самая, кажется, крупная и законченная — «Наследники Сталина», представляют собой лишь составные части одной большой работы, работы об этике общественных отношений в современном государстве. К сожалению, Плющу не удалось не только систематизировать, собрать воедино, но даже сохранить все фрагменты этой работы: существовавшие, главным образом, в виде черновых записей и набросков в тонких непрочных тетрадах, они были бесследно изъяты при двух обысках: в 1969 и 1972 гг.

Увы, какой удел может ждать в нашей стране любого ученого, чье творчество не санкционируется государством. Какой уж тут индетерминизм — свобода научного выбора и авторской концепции, когда прежде чем сделать какую-то запись, ты должен быть уверен, что сумеешь ее сохранить! В стране несвободы творчества, жестокого государственного контроля за мыслями и настроениями, далеко не каждому удастся реализовать свой творческий замысел, если он идет вразрез с ортодоксальными установками...

Работы Л. Плюща при всей сложности их замысла и структуры не несут на себе печати книжности, отвлеченного теоретизирования. Каждая — живой отклик на проблемы дня, нашей действительности, порожденный страстным желанием видеть эту действительность более разумной и совершенной. Государство в работах Плюща — это не абстрактное государство, это всегда наше государство в том виде, в каком оно есть и каким оно могло бы не быть, а психология — не теоретическая модель, а состояние души нашего современника. Плюща интересует сталинизм, но не как историческое явление, а как психологический феномен. Что это, патологическое оцепенение души миллионов людей или... ее живая потребность? Как долго такое оцепенение может длиться? Почему ветер истории никак не вырвет с корнем и не выдует из страны цепкие плевелы сталинизма? Чем живы и сильны в *наши дни* «наследники Сталина»?

Одна из последних работ Л. Плюща — «Этическая установка» (1970 г.). Она, помимо рассмотрения выдвигаемой самим автором «установки во внутриполитической борьбе» и в «международных отношениях», содержит интереснейшие выводы и соображения об установках, «выходящих за пределы прошлого и настоящего». Примером такой установки может служить «установка добра», играющая «роль духовных строительных лесов будущего». Оставившая свое внимание на «установке пессимистического оптимизма» и «героического пессимизма», Л. Плющ утверждает, что обе эти установки — достойные точки зрения. Первая направлена «на поиски шансов спасти мир, т. е. создать общество, дающее

возможность человеку стать человеком». Вторая, отрицая эту возможность, считает, что человеческое Я из любви к себе «заявляет своеволие» — «не хочу быть дерьмом и буду защищать свои человеческие ценности даже в том случае, если останусь один». Поведение Л. Плюща — лучшее подтверждение жизнениости исследуемых им установок.

Из-под пера Л. Плюща выходят и актуальные публицистические статьи. Например, открытое письмо академику Семенову — ответ на выступление последнего в «Литературной газете» (1970 г.) — взволнованный монолог о моральной ответственности ученого за деяния ума и рук своих.

Долго и терпеливо исследует Л. Плющ творчество двух реакционеров пера — Всеволода Кочетова и Ивана Шевцова, усмотрев в нем характерный для «наследников Сталина» исторический инфантилизм. И хотя эта работа, как уже говорилось, составляет лишь часть его будущей книги о взаимоотношениях между личностью и государством, всего лишь раздел, который условно можно было бы назвать «этикой (точнее анти-этикой) творчества», она интересна и как образец чисто литературной критики.

Оставаясь человеком науки, Плющ не чурается прямой общественной деятельности. В одиночку и вместе с друзьями он не раз выступает в защиту гражданских прав, свободы убеждений, творчества. Гражданская неуспокоенность и совесть Плюща нашли свое наивысшее выражение в подписании им ряда протестов и деклараций в составе Инициативной группы защиты прав человека в СССР.

При всем том Л. Плющ никогда не был борцом-фанатиком. «Как хочется засесть в деревне, в какой-нибудь засыпанной снегом гуцульской хате, обложиться книгами, заняться, наконец, теорией игры...» — Как немного и как недостижимо! В этой тоске — весь Плющ.

Человек «чистой науки» (мне хочется думать, что такая все-таки существует), он, конечно, мечтал отдаваться ей до конца.

Углубленно занимаясь вопросами применения математики в биологии и психологии, Л. Плющ погружается в теорию игры: пытается создать ее морфологию, моделирует ее структуру, экспериментирует, создает новые игры. Для этого нужно серьезно заняться мифологией, историей элитарных культов, магией, фетишизмом. Он начинает подбирать литературу — увы, куцую*. Но

* Куцую — не потому, что в богатейших книжных хранилищах нашей страны, таких, скажем, как Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, нет такой литературы. Куцую — потому, что эта литература находится под запретом и может быть выдана только по специальному разрешению. Ее могут получить лишь государственные служащие, работающие над запланированными темами, выводы из которых еще до начала исследований были официально одобрены. Независимые ученые лишены такой возможности. (Прим. Автора).

математика и здесь нужна ему лишь как способ проникновения в тайники социологии. Исследователь от природы, Плющ, будь у него элементарные условия для работы, мог бы обогатить науку. Ему бы полный, *мировой* каталог, возможность подключить к работе нужную книгу *любой* страны, *любой* исторической концепции и философской системы. Увы, родная страна не может дать ему даже такой свободы! Это — первая ступень несвободы советского ученого, выбирающего свой путь в науке.

Плюс к этому отчаянная, нечеловеческая нужда. Ведь Плющ выше трех лет (вплоть до ареста) был без работы, живя с семьей из 4-х человек на скудный заработок жены. (В 1968 г. Плющ был уволен из Института кибернетики по политическим мотивам и больше устроиться никуда не смог). Это — вторая возможная ступень несвободы советского ученого, не желающего поступиться своей внутренней свободой.

Леонид Плющ, я утверждаю это с полной ответственностью, не хотел заниматься, да и не занимался никакой «политикой» в полном смысле этого слова. Только беспокойное, совестное сердце ученого не могло биться в стороне от бед и нужд общества.

Ему хочется сидеть в библиотеке, бережно перелистывая какую-нибудь книгу, а вместо этого нужно ехать в Харьков, где идет судебный процесс над Генрихом Алтуняном (26. 11. 1969), — торчать на ветру перед зданием суда (ведь внутрь все равно не пустят)...

Он оставляет раскрытую книгу, недописанную статью. Он едет в Харьков и мерзнет на этих отчаянных ступенях — лишь для того, чтобы своим присутствием поддержать друга и сделать достоянием гласности еще одну расправу властей над инакомыслием и несогласием.

Инициативная группа... протесты... письма в ООН. Все — гласно и во имя гласности, единственного средства борьбы с произволом. В защиту Х... У... Z... Обыденная *гражданская деятельность*, возможная в любой мало-мальски цивилизованной стране. Но только не в нашей! И государство в конце концов карает ученого-подвижника, карает именно за «политику», которой он не только никогда не искал, но, по сути, и не занимался.

Леонид Плющ не вернулся в читальный зал к ожидающему его фолианту... И даже в заметенную снегом гуцульскую избушку.

СЛЕДСТВИЕ, ПРАВОСУДИЕ, ПСИХИАТРИЯ

29-го января Киевским областным судом был осужден к заключению в *психиатрическую больницу специального* (т. е. тюремного) типа Леонид Иванович Плющ. Это решение было опротестовано

в кассационной инстанции: Верховный суд УССР постановил поместить Л. Плюща на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа. Прокуратура УССР, сочтя «деяния» Л. Плюща особо опасным государственным преступлением, опротестовала кассационное решение Верховного суда УССР и настаивает на помещении Л. Плюща в психиатрическую больницу-тюрьму. «Дело» Плюща передано на рассмотрение Пленума Верховного суда УССР. Пленум вынес постановление о передаче «дела» снова в Верховный суд УССР.

Леонид Плющ по-прежнему находится в следственной тюрьме украинского КГБ в полной изоляции.

*

Передо мной те немногочисленные материалы по делу Л. Плюща, которые с большими трудностями, по крохам, удалось собрать.

В них освещается следующий достоверный факт: Леонид Плющ решением суда 1-ой инстанции насильственно помещен в психиатрическую больницу тюремного типа. Это не действие группы гангстеров от науки, выкравших человека для проведения какого-то эксперимента. Это — государственное мероприятие, едва прикрытое фиговым листком правосудия и психиатрии.

Впрочем, судите сами.

С 25 по 29 января 1973 г. в Киевском областном суде состоялось рассмотрение дела Л. И. Плюща, обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (ст. 70 УК РСФСР).

Состав суда: председатель — Дышель,
народные заседатели — Москалюк, Грама,
прокурор — Питенко,
адвокат — Кржепицкий.

Суд — закрытый, поэтому материалы следствия и суда остались в тайне. Известно лишь определение суда, согласно которому подсудимому инкриминировалось:

а) хранение и распространение нескольких машинописных текстов (в том числе 3 выпуска «Хроники» по 1 экземпляру, 2 выпуска «Украинского Вестника» по 1 экземпляру), которые на суде фигурировали как антисоветские, клеветнические, порочащие советский государственный строй;

б) изготовление, хранение, распространение рукописных работ, из которых 7 признаны авторскими («Письмо Советскому правительству», «Россинанту», «Наши задачи», «Письмо в «Комсомольскую Правду», «Психологическая установка на допросе», «Этика и борьба», («Психология интеллигентного предательства»). Все они были квалифицированы как антисоветско-клеветнические, порочащие советский государственный и общественный строй;

в) подписание «антисоветских» писем в ООН в составе «нелегальной организации», называющей себя Инициативной группой по защите прав человека в СССР;

г) ведение антисоветских разговоров.

Из этого же Определения следует, что Л. И. Плющ совершил инкриминируемые ему деяния (ст. 62 УК УССР) в невменяемом состоянии.

Киевский областной суд постановил поместить Л. И. Плюща в психиатрическую больницу специального типа для принудительного лечения.

Судебному разбирательству, как известно, предшествует расследование дела, т. е. следствие. К нему и обратимся.

НАРУШЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ, ДОПУЩЕННЫЕ В ХОДЕ СЛЕДСТВИЯ

1. Превышены все, допустимые по УПК УССР (равно как по «Основам уголовного судопроизводства СССР и союзных республик»), сроки содержания обвиняемого под стражей. Закон гласит: «Содержание под стражей при расследовании дела не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен лишь ввиду особой сложности дела прокурором области... до трех месяцев, а Прокурором УССР... до шести месяцев со дня заключения под стражу. Дальнейшее продление срока содержания под стражей может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным Прокурором СССР дополнительно на срок не более трех месяцев» (ст. 156 УПК УССР, ст. 97 УПК РСФСР).

Обвиняемый Л. Плющ находился под стражей без суда 12 месяцев. Следует отметить, что для соблюдения «законности» (фигурный листок № 1), для продления следствия в данном конкретном случае (как, впрочем, и во многих других конкретных случаях) *потребовалось изменение закона*, действующего на территории УССР. Прокурор по надзору за делами, находящимися в ведении КГБ, сообщил, что есть Постановление Верховного Совета СССР за подписью тт. Подгорного и Георгадзе о продлении срока следствия над Л. И. Плющем до 1 года.

2. Предварительное следствие проводилось без участия защитника, что, если признать «невменяемость» обвиняемого, свидетельствует о нарушении ст. 417 (Комментарий, п. 4 УПК УССР; ст. 405 УПК РСФСР): «По делам лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости... участие защитника является обязательным. Защитник допускается к участию в деле с момента *установления факта душевного заболевания* лица, совершившего общественно опасное деяние» (подчеркнуто Т. Ходорович).

Каким образом это было достигнуто?

Л. И. Плющ был направлен в Москву для проведения судебно-медицинской экспертизы в конце апреля 1972 года. Известно, что к тому времени допросы обвиняемого уже прекратились. Это дало возможность органам КГБ провести предварительное следствие по делу Л. Плюща *без участия адвоката*, но зато с *мотивировкой* о его необязательном участии в связи с тем, что обвиняемый был признан душевнобольным после окончания следствия (фиг. лист. № 2). Именно такая мотивировка была сообщена жене, но лишь в декабре 1972 г. (т. е. по истечении годичного срока следствия, перед передачей дела в суд), когда в ответ на ее многочисленные жалобы и заявления (см. Приложение) ей, наконец, официально было объявлено, что ее муж — «душевнобольной».

3. Во время ведения следствия оказывалось психологическое давление не только на свидетелей, но и на обвиняемого, что противоречит ст. 22 УПК УССР и комментариям к ней.

Примеры: а) Лишение обвиняемого в течение целого года какой-либо информации из внешнего мира, в частности информации о его семье.

а) *Даже адвокату*, в нарушение всех законов о защите, за все время следствия было дано лишь одно свидание с Л. Плющом — при передаче дела в суд. Ходатайство адвоката о предоставлении ему хотя бы еще одного свидания до суда было отклонено с мотивировкой «в этом нет надобности».

б) Можно предположить, что проведение психиатрических экспертиз было тоже одним из средств давления на обвиняемого, отказывающегося принимать участие в следствии.

в) В связи с вызовом в КГБ по делу мужа, Т. И. Житникова (жена Плюща) подверглась целому ряду незаконных репрессий внесудебного характера. Так, ее отстранили от служебных командировок, перестали печатать в методическом журнале ее статьи, из издательского плана была исключена составленная ею в соавторстве хрестоматия.

г) Оказано давление и на свидетелей С. Борщевского и В. Ювченко¹, которые в связи с этим направили заявление-жалобу на имя Прокурора УССР. (Ответ не получен).

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

1. Обвиняемый без всяких оснований был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе. Таким образом была нарушена ст. 204 УПК УССР: «При наличии в деле данных, которые дают основания

¹ С. Борщевский получил 15 суток за «мелкое хулиганство» в мае 1972, а Владимира Евгеньевича Ювченко, учителя, допрашивали по делу Л. Плюща 22. 3. 72.

полагать, что обвиняемый во время совершения общественно опасного деяния был в невменяемом состоянии... следовательно... назначает судебнопсихиатрическую экспертизу». Согласно комментарию к этой статье, даже *умышленное убийство* с отягчающими обстоятельствами не является основанием для проведения судебнопсихиатрической экспертизы, если в деле отсутствуют данные о психической неполноценности обвиняемого (ст. 204, п. 2 коммент. к УПК УССР).

«В деле математика Л. И. Плюща, окончившего с медалью среднюю школу, победителя математических олимпиад, имеющего диплом университета, автора нескольких научных статей, *никогда не страдавшего психическими* расстройствами и не состоявшего на учете ни в одном психиатрическом учреждении — естественно, таких данных не было и не могло быть»².

Этими «данными» (фиговый листок № 3) послужили, очевидно, лишь показания нескольких свидетелей, подтвердивших на допросах в результате психологического давления на них со стороны следователя, его версию о «невменяемости» Плюща, о том, что Плющ — «сумасшедший», «такой же ненормальный, как Григоренко»(!). Это было заявлено, например, свидетелю В. Бондарчуку 26 января 1972 во время очной ставки с Л. Плющом, т. е. на 14-ый день следствия. Свидетель Ф. А. Диденко (в феврале) был введен в заблуждение следователем И. И. Суром, заявившим, что в КГБ получено письмо матери Л. Плюща, в котором она пишет о «странностях» сына. (В действительности такого письма мать Л. Плюща не писала.) Свидетелю Э. Г. Недорослеву в июне было также заявлено о том, что Плющ — «сумасшедший». Такие заявления настораживают и пугают, ибо они свидетельствуют о том, что вопрос о психическом состоянии здоровья обвиняемого, по сути дела, находится в компетенции органов КГБ, а не медицины. Судебнопсихиатрическим экспертам-врачам остается лишь придать медицинскую форму (фиговый листок № 4) тому решению, которое им сообщается.

Психологическое давление на свидетелей оказывалось также и самой формой наводящего вопроса: «Не кажется ли (не казался ли) вам Плющ странным?» В результате некоторые свидетели ответили на этот вопрос утвердительно.

Есть основание предполагать, что в качестве «данных о психической неполноценности обвиняемого» органы дознания использовали и факт отказа обвиняемого от дачи показаний. На самом деле этот факт свидетельствует лишь об удивительной стойкости и нравственной безупречности Л. Плюща, не пожелавшего стать

² Цитата из заявления Председателю Верховного Суда УССР свидетелей по делу Л. И. Плюща: С. Борщевского, А. Верхмана, А. Фельдмана, В. Ювченко.

соучастником следствия, направленного против каждого иметь свою собственную точку зрения.

2. При оценке психического состояния обвиняемого принимались во внимание показания свидетелей, мало знавших, почти не знавших Л. Плюща или не видевших его последние 5-10 лет. Так, например, на суд были вызваны: свидетель Шевченко, видевший Л. Плюща один раз в жизни в течение одного часа; свидетель Колесов — эпизодический знакомый в течение очень короткого времени в 1963 г. (это время вообще не рассматривается в деле) и др. Вместе с тем, родная сестра Л. Плюща, имеющая, кстати, среднее медицинское образование, не была вызвана для дачи показаний о психическом состоянии брата ни во время следствия, ни на суд. Не были вызваны на суд и лица, хорошо знавшие Л. Плюща (об этом см. след. пункт). Не были учтены данные на следствии показаний жены Л. Плюща, свидетельствующие о его полном психическом здоровье.

В результате Л. Плющ был подвергнут, по официальным данным, двум судебно-психиатрическим экспертизам (по неофициальным данным — трем: третья была первой, проводила ее Комиссия экспертов судебно-психиатрического отделения Киевской психиатрической больницы им. Павлова: доктор мед. наук Лифшиц, зав. отделением Винарская, врач Кравчук — амбулаторным путем и признала Л. Плюща вменяемым).

Остановимся, однако, на официальных данных.

Прокурор по надзору за делами, находящимися в ведении КГБ УССР, тов. Малый только в конце декабря 1972 г. (т. е. после окончания следствия) сообщил жене Л. Плюща, что в деле обвиняемого Л. И. Плюща имеются тексты двух судебно-медицинских экспертиз о психическом состоянии его здоровья.

1-я экспертиза была проведена в Москве Комиссией под председательством директора Научно-исследовательского института судебно-психиатрической медицины им. Сербского, члена-корреспондента АМН Г. В. Морозова (члены Комиссии: проф. Д. Р. Лунц, канд. мед. наук А. К. Качаев). В заключении Комиссии говорится, что Л. И. Плющ страдает шизофренией «с признаками параноидального расстройства, идеями реформаторства, элементами мессианства...», что он «невменяем и подлежит принудительному лечению в специальной психиатрической больнице».

2-я экспертиза была проведена тоже в Москве Комиссией, сформированной по распоряжению Министерства здравоохранения СССР, в следующем составе: председатель — академик А. В. Снежевский, члены — член-корреспондент Г. В. Морозов, проф. Д. Р. Лунц, руководитель отделения Онуфриев. В заключении Комиссии

говорится, что Л. Плющ страдает вялотекущей формой шизофрении и «его состояние здоровья в настоящее время свидетельствует о наступлении изменений в сторону эмоционально-волевого расстройства, утраты актуальности идей реформаторства, трансформации их в идеи изобретательства в области психологии»³, больной нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа.

Таким образом, две⁴ «авторитетные» Комиссии признали Леонида Плюща «невменяемым», но дали разноречивые рекомендации о типе больницы для его содержания.

Суд выбрал из двух зол большее.

НАРУШЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЗАКОНОВ, ДОПУЩЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА

I. Отказ свидетелям, участвовавшим в следствии, в просьбе дать дополнительные показания на суде. Свой отказ судья Дышель мотивировал тем обстоятельством, что суд решает вопрос о принудительной мере медицинского характера и не считает нужным приглашать в качестве свидетелей не психиатров (фиговый листок № 5).

Эта мотивировка судьи Дышеля противоречит ст. 419 УПК УССР: «В судебном заседании допрашиваются свидетели и проверяются доказательства, доказывающие или опровергающие совершение данным лицом общественно опасного деяния, а также проверяются другие обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера».

Остается добавить, что ни у кого из свидетелей, допрошенных на суде, нет медицинского образования (это, кстати, и законом не предусмотрено).

II. В ходе рассмотрения дела в суде проявлялась тенденциозность в решении тех вопросов, которые, при отсутствии прямых запретов в УПК, обычно решаются в пользу обвиняемого.

Примеры.

Было отклонено ходатайство жены Л. Плюща об участии в суде законного представителя — на том основании, что в УПК УССР нет статьи, согласно которой суд при рассмотрении дела, касающегося душевнобольного, обязан ввести его законного представителя. Действительно, в УПК УССР нет статьи, содержащей прямое ука-

³ Это связано с тем, что Плющ в течение всего срока заключения занимался и продолжает заниматься теорией игры. (Прим. автора).

⁴ О судьбе третьей экспертизы нам ничего не известно, кроме того, что (по словам прокурора и адвоката) в деле Плюща ее нет.

знание на необходимость участия законного представителя. Однако там нет и запрещающей статьи⁵. В этом случае согласно ст. 20 Конституции (Основного Закона) СССР — «В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон» — суд обязан был руководствоваться ст. 28 Основ гражданского судопроизводства СССР, которая предусматривает участие законного представителя при рассмотрении дела, касающегося душевнобольного.

Было отклонено также ходатайство адвоката о вызове в суд обвиняемого с мотивировкой: «Суд не видит в этом необходимости» (фигурный листок № 6). В то время как, согласно ст. 419 УПК УССР, судья может разрешить подсудимому, признанному душевнобольным, участвовать в судебном разбирательстве, если «этому не препятствует характер его заболевания».

III. Нарушен один из основных законов судопроизводства.

Предъявленное Л. Плющу обвинение в изготовлении, хранении и распространении антисоветских клеветнических материалов, порочащих советский государственный и общественный строй, не было (да и не могло быть) рассмотрено по существу вопроса.

Ибо:

1. Ни одним законодательным актом (списком) не объявлено, какая именно литература признана антисоветской. Видимо, Л. Плющ (как впрочем, и другие лица, осужденные по этой статье) должен был сам интуитивно решить, какие книги можно хранить и давать читать, а какие — нет.

2. В советской юридической литературе нет раскрытия термина «антисоветская(ие)». В Комментарий к ст. 70 УК РСФСР (соотв. ст. 62 УК УССР) одно неизвестное объясняется через другое.

Пример. «Антисоветской агитацией или пропагандой являются:

а) агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти;

в) распространение в целях подрыва или ослабления Советской власти либо в целях совершения отдельных особо опасных государственных преступлений клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй;

г) распространение, хранение, изготовление в тех же целях литературы указанного характера»⁶ (Комм. п. I к ст. 70 УК РСФСР).

⁵ Более того, в Комментарий к ст. 424 УПК УССР есть косвенное указание на существование законного представительства в делах лиц, признанных душевнобольными: «Лицами, которые могут обжаловать в кассационном порядке определение суда, являются защитник больного или его законный представитель» (Комм. п. 2 к ст. 424).

⁶ Правильно: «г) распространение в тех же целях клеветнической, порочащей сов. гос. и обществен. строй лит-ры; д) изготовление в тех же целях лит-ры указан. характера; е) хранение в тех же целях лит-ры указан. характера» (см. там же).

Какое содержание следует вкладывать в слова «цель подрыва или ослабления Советской власти? Могут ли, к примеру, работы Л. И. Плюща, написанные на этико-психологические темы, содержать «цель подрыва или ослабления Советской власти»? Как это доказать? А ведь только доказав наличие «цели подрыва...» (согласно приведенным Комментариям к ст. 70 УК РСФСР), можно доказать, что они антисоветские.

Содержат ли работы Л. Плюща, написанные на социальные темы, его раздумья о состоянии души нашего современника «цель подрыва или ослабления Советской власти», иными словами, являются ли они антисоветскими? Доказано ли это судом?

Содержат ли письма Л. Плюща, адресованные Советскому правительству или предназначенные им для опубликования в советских газетах, «цель подрыва или ослабления Советской власти»? Доказано ли это судом?

Содержат ли, наконец, письма в ООН, подписанные Л. Плющом в составе Инициативной группы защиты прав человека в СССР, «цель подрыва или ослабления Советской власти» или, быть может, «цель совершения отдельных особо опасных государственных преступлений»? Доказано ли это судом?

В чем состоит «клеветнический характер» этих материалов?

Какие факты, приведенные в них, являются не фактами, а клеветой? Доказано ли это судом?

Суд предпочитает этого не доказывать.

Он лишь голословно утверждает со ссылкой на «идеологическую» экспертизу (фиговый листок № 7), толкования которой при этом не приводятся, что эти материалы — антисоветские, клеветнические, порочащие...

Суд тем самым нарушает один из основных законов судопроизводства: «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела» (ст. 20 УПК РСФСР).

IV. Суд постановил с признанного душевнобольным Л. Плюща взыскать 73 руб. судебных издержек.

Этот пункт в комментариях не нуждается.

V. Нарушена гласность судебного разбирательства.

Суд официально был объявлен закрытым.

Мотивировки (фиговые листочки №№ 8, 9).

1. «Рассмотрение дела Л. Плюща представляет собой государственную тайну» (заметьте, не само «дело», а его рассмотрение).

Понятие «государственная тайна» определено законом следующим образом: «К сведениям, составляющим государственную тайну, относятся сведения военного и экономического характера, а также иного рода сведения, которые Советское правительство счи-

тает необходимым охранять как государственную тайну» (Комм. п. 2 к ст. 75 УК РСФСР).

Само собой разумеется, что ни дело Л. Плюща, ни его рассмотрение не содержали и не могли содержать никакой государственной тайны, а следовательно, нарушена ст. 11 Основ гражданского судопроизводства СССР и ст. 20 УПК УССР: «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны» (ст. 20). Кроме того, нарушена ст. 419 УПК УССР, так как в этой статье (и ни в какой другой) нет ссылки на то, что суд над душевнобольным хоть в каком-нибудь случае (даже в случае наличия государственной тайны) может быть закрытым.

А между тем, даже жене в просьбе присутствовать на суде было категорически отказано. *Зал был пуст*: не было ни подсудимого, ни его законного представителя, ни эксперта, ни родственников, ни публики. Изоляция суда от внешнего мира была настолько высокой, что наряд милиции, охранявший пустой зал, не разрешал (под угрозой ареста) гражданам, желавшим попасть на процесс, находиться даже на крыльце здания суда. И только после неоднократных требований жене и сестре подсудимого было разрешено (в связи с сильным морозом) ждать окончания заседания в вестибюле.

Что это? Кто повинен в нарушении гласности судебного разбирательства?

Судья?

Или, может быть, бездоказательный суд над Л. Плющем — это те самые «иного рода сведения, которые Советское правительство считает необходимым охранять, как государственную тайну»? И тогда автор этого письма должен быть предан суду за ее разглашение? И суд снова будет закрытым?

2. «Дело не представляет общественного интереса», — заявил т. Дышель друзьям Л. Плюща, которые обратились к нему с просьбой разрешить им присутствовать в зале заседания.

Это объяснение неверно, алогично: а) как может не представлять общественного интереса дело, касающееся возможности «подрыва или ослабления Советской власти»? б) если дело не представляет общественного интереса, то зачем охранять его рассмотрение с помощью милиции?

VI. Нарушены (повторно) ст. 11 Основ гражданского судопроизводства СССР и ст. 20 УПК УССР, согласно которым решения судов во *всех случаях* оглашаются в открытых заседаниях. На слушание Определения были допущены лишь жена и сестра подсудимого. Для того, чтобы в зал заседания не прошли остальные

желающие там присутствовать, были предприняты специальные действия: жене и сестре было предложено войти «на пять минут» из вестибюля в коридор. (Как потом стало известно, в зал заседания им запретили взять с собой даже дамские сумочки.) Когда присутствующие около здания суда граждане сообразили, что началось чтение Определения, и тоже пытались войти, им сказали: «Чтение уже началось — вы будете мешать» (фиговый листок № 10).

Выдать жене письменный текст Определения на руки судья категорически отказался.

Вместо собственных комментариев к пунктам V, VI, процитирую Комментарий (п. 3 к ст. 20 УПК УССР):

«Гласность судебного рассмотрения является одним из важнейших демократических принципов советского уголовного процесса... Она ставит под широкий общественный контроль деятельность судебных органов. Открытое судебное разбирательство содействует еще большему чувству ответственности у судей, прокуроров, адвокатов, которые осуществляют свои функции в суде, а также повышает чувство ответственности за свои показания у свидетелей и экспертов, что безусловно содействует повышению качества судебной деятельности.

Гласность процесса является одним из важнейших условий осуществления воспитательной функции, возложенной на советский суд. Только в условиях открытого рассмотрения дел в суде эта функция успешно осуществляется».

Чрезвычайная закрытость дела и невозможность ознакомиться даже с определением суда явно мешают установить полный объем допущенных нарушений. По-видимому, данный документ содержит далеко не весь перечень нарушений следствия и судопроизводства.

Ясно одно: и установленного достаточно для отмены Определения, вынесенного Киевским областным судом по делу Л. И. Плюща.

Ибо:

«Основанием для отмены или изменения приговора при рассмотрении дела в кассационном порядке являются: односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия; несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела; существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного» (ст. 367 УПК УССР), а также «Приговор во всяком случае подлежит отмене: ... 9) если судом нарушены требования статей настоящего Кодекса, которые устанавливают: открытое судебное рассмотрение дела, обязательность предъявления обвинения и предъявления обвиняемому ма-

териалов предварительного следствия, ... предоставление подсудимому права на защитительную речь, ... а также предоставление подсудимому последнего слова» (ст. 370 УПК УССР).

ПРЕВЫШЕНИЕ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНАМИ КГБ УССР

1. Согласно закону, после вынесения Определения, Киевский областной суд 29 января 1973 г. дал письменное разрешение жене Л. Плюща на свидание.

Однако свидания не было до сих пор (июнь 73 г.). Препятствуют предоставлению законного свидания следственные органы КГБ, хотя после окончания следствия и суда они не должны иметь *никакого отношения* к своему бывшему подсудимому. Тем более — не должны иметь отношения к Л. Плющу, который, согласно судебному определению, даже не является осужденным, т. к. «совершал свои деяния в состоянии невменяемости, будучи психически больным».

Это не помешало 20-го февраля 73 года следователю Федосеенко, пригласившему на беседу жену Л. Плюща в связи с ее письменным заявлением-жалобой на имя Председателя КГБ при СМ УССР, в котором она сообщала, что начальник следственного изолятора, игнорируя разрешение судьи, до сих пор не дал ей свидания с мужем, заявить, что *«суд — здесь вообще ни при чем»*, но что свидание ей будет дано, т. к. есть *разрешение Председателя КГБ УССР*.

Далее следователь Федосеенко (он вел дело Л. Плюща) начал давать указания, о чем можно и о чем нельзя говорить на свидании. Так, он категорически запретил говорить с Л. Плющем о его «деле» (даже если он сам будет задавать какие-то вопросы, отвечать ему на них нельзя). Плющ с материалами дела не знаком. Срок изоляции его от внешнего мира достигал к этому времени 13 месяцев. Естественно, жена возмутилась такой постановкой вопроса и сказала, что считает следователя Федосеенко духовным убийцей своего мужа.

В свидании ей было отказано.

Не было ей дано свидания и после ее письменного заявления от 2-го марта 73 г. Прокурору УССР. Заявление осталось без ответа.

В конце апреля Прокурор в ответ на устную просьбу жены Л. Плюща дать ей свидание с мужем, сказал, что он не понимает, зачем ей нужно свидание, — «ведь ваш муж тяжело больной человек».

Однако это не помешало 3 мая дать свидание Л. Плющу с сестрой. Предварительно сестру проинструктировали, что она не должна говорить о «деле брата», о решении кассационного суда, об

отказе жене в свидании с Л. Плющем. Сестра дала согласие на соблюдение этих условий, и свидание (единственное за 18 месяцев тюремного заключения) в рамках дозволенного состоялось.

Верховный суд УССР, куда было направлено очередное заявление жены Плюща с просьбой предоставить свидание с мужем, дал свое согласие. Однако начальник следственного изолятора Сапожников 24 мая заявил, что «за нетактичное поведение», «вы с кем-то там поссорились» (фиговый листок № 11) свидание предоставлено не будет.

Л. Плющ не только лишен свиданий, но и переписки. После окончания судебного процесса (29 января 73 года) от него не было получено ни одного письма.

Превышение органами КГБ УССР своей власти, равно как и нарушение процессуальных норм, следует рассматривать как желание сохранить в *глубокой тайне* «дело» Леонида Плюща.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма, жалобы, заявления, написанные в различные советские инстанции родственниками и друзьями Л. Плюща.

(Данный перечень ни в коем случае не является исчерпывающим)

1. 25/V — 72 г. Письмо Прокурору УССР с перечислением фактов, свидетельствующих о тенденциозном характере ведения следствия.

Письмо осталось без ответа.

2. 31/V — 72 г. Письмо такого же содержания было направлено Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко.

Письмо осталось без ответа.

3. 4/VI — 72 г. Письменное заявление в Прокуратуру УССР.

Получен ответ о передаче заявления в КГБ УССР.

Из КГБ ответ не получен.

4. 3/X — 72 г. Письменное заявление Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко о затянувшемся следствии.

Ответ не получен.

5. 1/XII — 72 г. Письмо Председателю Верховного Суда СССР о тенденциозном характере ведения следствия, с просьбой сообщить результат психиатрической экспертизы.

Получен ответ о передаче письма в Прокуратуру УССР.

В конце декабря Прокурор УССР устно сообщает о том, что Л. Плющ признан психически больным.

6. Февраль 1973 г. Письмо академику Снежневскому — председателю Комиссии судебно-психиатрической экспертизы¹.

¹) От 14. 2. 73.

Ответ не получен.

7. 26/II — 73 г. Жалоба в кассационный Верховный суд УССР о замеченных нарушениях законности при судебном разбирательстве «дела» Л. Плюща Киевским областным судом.

Ответ не получен.

8. Февраль 73 г. Еще одна жалоба в кассационный Верховный суд УССР о нарушении правил ведения следствия и судопроизводства.

Ответ не получен.

9. Февраль 73 г. Письменное заявление-жалоба Председателю КГБ при Совете министров УССР о препятствиях, чинимых сотрудниками КГБ в предоставлении законного свидания.

В ответ — беседа следователя КГБ Федосеенко (см. текст, стр.).

10. 2/III — 73 г. Письменное заявление Прокурору УССР на ту же тему.

Ответа не последовало.

11. Заявление в Верховный суд УССР с просьбой о предоставлении свидания.

В ответ получено согласие на свидание.

24/V начальник следственного изолятора вновь отказал в свидании.

12. Конец мая 73 г. Письмо тт. Брежневу, Подгорному, Косыгину с просьбой помочь Л. Плющу.

Из ЦК КПСС получено лишь уведомление о вручении.

В середине июня — открытка из Прокуратуры СССР, извещающая, что жалоба получена Прокуратурой, ответ будет дан позже.

13. Июнь 73 г. Письменное заявление Председателю КГБ УССР с просьбой предоставить свидание.

Ответ не получен.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Итак, суд 1-ой инстанции вынес определение поместить Л. И. Плюща в психиатрическую больницу-тюрьму.

Простой здравый смысл подсказывает, что вялотекущая шизофрения с незаметными для неспециалистов симптомами вряд ли, если она проявляется лишь в рассуждениях, представляет опасность для окружающих и общества в такой степени, что к страдающему ею больному следует применить самую строгую из имеющихся принудительных мер медицинского характера, а именно — поместить его в психиатрическую больницу специального типа.

Возможно, этими соображениями руководствовался Верховный

суд УССР, который при рассмотрении¹ «дела» Л. Плюща в кассационном порядке решил смягчить принудительную меру медицинского характера и вынес определение поместить Л. Плюща в психиатрическую больницу общего типа. «Больницы общего типа — это лечебные учреждения системы органов здравоохранения... Больные, направленные туда на принудительное лечение, помещаются в больничные отделения закрытого типа, в которых за больными осуществляется соответствующий медицинский надзор, предотвращающий возможность совершения побега или каких-либо действий, опасных для больного или для окружающих» (Комм. п. 3 к ст. 59 УК РСФСР).

Однако Прокурор УССР, сочтя недостаточной такую степень изоляции «особо опасного сумасшедшего», опротестовал решение, и 26 апреля «дело» Л. Плюща было передано на рассмотрение Пленума Верховного суда УССР.

И что же?

15 июня Пленум Верховного суда УССР признал протест Прокурора УССР обоснованным и передал «дело» Леонида Плюща для повторного рассмотрения снова в Верховный суд УССР.

Поразительно! Неужели настолько опасен «бред сумасшедшего», что власти полтора года (!) не могут решить вопрос — как же с ним поступить?

ЭПИЛОГ

Гражданская деятельность Л. Плюща признана преступной. Его работы — антисоветскими и клеветническими. Его мозг — *общественно опасным*.

Заточение личности, отважившейся захотеть быть свободной в несвободном обществе, в сумасшедший дом — не правда ли, своеобразное решение вопроса о взаимоотношениях личности и государства?

Человек лишен каких бы то ни было прав. Он вне законов, писанных и неписанных. Остаются только физические законы. Вес. Масса. Хрупкость. И мозг. Мозг, находящийся во власти турых исполнителей, ни от чего и никем не защищенный.

Знаменателен ли итог?

Да.

Честный и глубокий ученый, живущий собственным умом и интуицией, пробирающийся к свету истины своей тропой, а не с помощью всунутого ему в руки идеологического компаса, да еще имевший неосторожность избрать полем деятельности обществен-

1) Никаких сведений о процедуре этого рассмотрения мы не имеем.

ную науку (историю, социологию, философию), в государстве тотальной идеологии неизбежно подвергается остракизму.

Добро бы как в древних Афинах!

Увы, в Мире Новом, Вечном и Совершенном, он оказывается не в ссылке, а в каторжном лагере или — как Леонид Плющ — в сумасшедшем доме.

Кстати, в этом последнем *невыворе*, в том, что Л. Плющ попал не в лагерь, а в желтый дом, есть своя логика.

Имя этой логики — *с т р а х*.

Не сомневаюсь, что руководивший следствием Верховный Государственный Некто почувствовал в Леониде Плюще *мозговую* опасность. Заключение в лагерь, по его мнению, очевидно, этой опасности не снимало. Ведь там Плющ мог бы общаться с *нормальными людьми* и иметь друзей. Кроме того, даже самый долгий по нынешним временам политический тюремный срок — конечен. Сумасшедший же дом надежен, бессрочен, молчалив. В нынешних условиях не надо даже прибегать к смирительной рубашке — нескольких инъекций какого-нибудь найролептика достаточно, чтобы «выправить» любой мятежный мозг, т. е. окутать его безразличием и тишиной.

НАКАЗАНИЕ БЕЗУМИЕМ! Злодеяние, равных которому нет на земле.

Что это за государство, в какое время оно существует и за какое преступление оно может приговорить своего гражданина к наказанию, по сравнению с которым даже гитлеровская душегубка, как отметил А. Солженицын, была «гуманнее», потому что убивала сразу?*

Дело происходит в стране, именующей себя Союзом Советских Социалистических Республик. Время действия — 1973 год. Преступление — дерзость иметь собственную точку зрения и высказывать ее.

Мир безмолвия и желтой тьмы, поглотивший Леонида Плюща, продолжает грозить нашей мысли.

Кто следующий?

До каких пор?

Июнь 1973 г.

(Т. Ходорович)

*) Ср. его заявление в защиту Ж. Медведева.

Нина БУКОВСКАЯ

В МЕЖДУНАРОДНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ «АМНИСТИЯ»*
(«Эмнести интернейшл»)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Дорогие друзья!

Вы не раз помогали мне всем, чем могли, пытаясь облегчить незаслуженно тяжелую участь моего сына, Владимира Буковского. Сегодня я вновь обращаюсь к вам за помощью.

Как вам известно, в январе 1972 года Владимиру был вынесен Московским горсудом несправедливый и чрезвычайно суровый приговор: он был осужден к двум годам тюрьмы, пяти годам исправительно-трудового лагеря строгого режима и к последующей ссылке на 5 лет.

Суд над моим сыном, как вы, вероятно, помните, был актом вопиющей беззаконности. Несмотря на это, приговор Мосгорсуда был утвержден на кассационной инстанции Верховным судом РСФСР.

С момента ареста Владимира прошло уже около 3-х лет. Основательно проморив его голодом во Владимирской тюрьме, власти перевели сына в политический лагерь строгого режима в Пермскую область. Здесь начались новые мытарства. Сын заболел.

К его ревматизму и пороку сердца, связанному с хроническим воспалением горловых миндалин, прибавилась болезнь печени. (Какая именно — мне до сих пор не известно.)

«Встреча» Владимира в лагере, оказанная ему тамошними представителями КГБ, была весьма симптоматична. При первом же знакомстве старший уполномоченный КГБ, некто Карпавикас, оскорбил сына, заявив буквально следующее: «Вы (т. е. политзаключенные — Н. Б.) — хуже собак. Я вам укажу ваше место!»

Владимир, поставленный в необходимость защищать свое человеческое достоинство, тут же прекратил разговор и вышел из комнаты. За это не замедлило последовать наказание: вместо двух-трех суток свидания, которые обычно даются раз в год приехавшим в лагерь женам и матерям, нам с сыном были даны только одни сутки. Об этом наказании мне тогда же совершенно официально заявил уполномоченный КГБ Карпавикас.

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1623. Англ. выдержки см. Рейтер, 6. 3. 74.

С конца сентября прошлого года администрация лагеря перестала вручать сыну письма, которые присылали и присылают ему родственники и друзья, несмотря на то, что в этих письмах не содержится ничего нарушающего внутрилагерную цензуру. Дошло до того, что сыну перестали вручать и многие мои собственные письма, лишая его возможности прочитать в письме теплое материнское слово, слово утешения, на которое имеет право каждый человек.

В ноябре мне стало известно, что к сыну в лагере придираются, травят его, преследуют и необоснованно наказывают. Тогда, под нажимом общественного мнения с Запада, ему был дан, как страдающему болезнью печени, диетический стол. Но тут же необоснованно было запрещено купить в лагерном магазине продукты на предусмотренные законом 5 рублей в месяц. Таким образом, почти все дополнительное питание, полученное по диетстолу, он потерял на магазине. Мера не слишком гуманная по отношению к больному человеку!

В январе этого года было объявлено, что он лишен очередного (краткосрочного — до 2-х часов) свидания со мной, которое полагалось ему в конце февраля. При этом администрация лагеря конфисковала подряд 2 письма сына, в которых он пытался поставить меня об этом в известность. Свидания же, по моему твердому убеждению, он был лишен для того, чтобы я не узнала от него о тех преследованиях и беззакониях, которые он терпит в лагере.

Таким образом, Владимир оказался буквально отрезанным от внешнего мира, от семьи, от матери. Воспользовавшись этим, администрация лагеря водворила сына на 2 недели в штрафной изолятор, подвергнув его, больного ревматика, испытанию голодом и холодом. В каком состоянии вышел он из этого изолятора, неизвестно. Владимир не рискнул написать мне об этом в своем последнем письме, опасаясь, что администрация отнимет и это письмо и тогда я даже не буду знать, жив ли он.

О фактах незаконного лишения сына писем и свидания я писала во все надзорные инстанции, вплоть до генерального прокурора страны — Руденко. Но все мои жалобы неизменно спускались по прокуратурам «вниз», и я получала всякий раз формальные отписки.

Сейчас в отношении моего сына готовится новое преступление — его в ближайшее же время собираются снова водворить во Владимирскую каторжную тюрьму, очевидно, до конца срока, с таким расчетом, чтобы из 7-ми лет лишения свободы — 6 с лишним лет он пробыл в тюремной камере, а это — тяжелый удар по его здоровью. По существующим порядкам, первый месяц он будет на так называемом голодном питании, т. е. количество продуктов, по-

лагающееся на один обед, будет разделено на весь день, включая завтрак и ужин. В последующие несколько месяцев его продержат на так называемом пониженном питании (на строгом режиме), т. е. с уменьшенным количеством сахара и жиров, и без того ничтожно малом во Владимирской тюрьме. Все эти месяцы заключенный не имеет права также купить ни грамма продуктов в тюремном ларьке.

Нужно ли говорить, что при том бесчеловечном голодании, которое и так практикуется в этой жестокой тюрьме, — подобное урезывание в самом необходимом является просто катастрофой. Испытание это чрезвычайно редко выносят без губительных последствий и вполне здоровые люди. Для моего же сына, с его пороком сердца и ревматизмом, с его болезнью печени — отсутствие свежего воздуха и движения и долговременный голод — реальная опасность окончательно потерять здоровье и стать инвалидом.

Это — явная ставка на его физическое уничтожение.

В течение последних 2-х лет я 5 раз обращалась к Советскому правительству и лично к Л. И. Брежневу с просьбой прекратить дальнейшее отбывание наказания моим сыном и отпустить его в Голландию по приглашению Лейденского университета¹. На все 5 обращений я получила отказ.

Моего сына не любят власти в его родной стране. Владимир пришелся им не ко двору. Так почему же не отпустить его в другое государство?

Неужели за то, что он открыто осмелился высказать свои взгляды и убеждения, надо непременно до смерти замучить его в тюрьмах и лагерях?!

Я обращаюсь к вам с просьбой: не допускайте перевода моего сына во Владимирскую тюрьму — на его физическое уничтожение! Я прошу вас также как можно быстрее сформировать компетентную международную комиссию и направить ее в лагерь для политзаключенных на станцию Всесвятскую Чусовского района Пермской области (Учреждение ВС-389/35), где содержится мой сын, для проверки, как соблюдается в этом лагере законность, и для установления фактов преследования моего сына.

Я прошу вас вновь обратиться к Советскому правительству, лично к Л. И. Брежневу с призывом к гуманности и справедливости. Может быть, то, чего не в силах добиться я, удастся, наконец, вам и другим людям доброй воли.

Мать Владимира Буковского — Нина Ивановна Буковская

Москва, 27 февраля 1974 года.

¹ О ее письме Подгорному в нач. июня 1973 см. ЮПИ, 12. 6. 73, газ. «Дагенс нюхетер», 13. 6. 73, «Хр. защиты...» № 3: 50; об аналогичном письме Брежневу от 10. 8. 73 см. «Хр. защиты...» № 3: 51.

ОБРАЩЕНИЕ к советской и зарубежной общественности¹

В Советском Союзе совершен очередной акт беззакония — осужден на два года лагерей популярный московский лектор, бывший сотрудник ВНИИ Медицинской Техники², член-корреспондент Международной Ассоциации парапсихологов Эдуард Наумов³.

Этот акт носит необычный характер — Наумов не был инакомыслящим в области политической и социальной, он не критиковал систему и не подписывал никаких писем протеста.

Выдвинутое против Наумова обвинение настолько вздорно, что заставляет недоуменно качать головами даже издававших виды советских юристов. Руководители одного из клубов, в помещении которого Наумов прочел несколько лекций по парапсихологии, присвоили себе выручку от этих лекций. Наумов был арестован вместе с ними якобы за соучастие в их частно-предпринимательской деятельности. Во время следствия, длившегося год, Наумов оставался на свободе.

Ход следствия начал рушиться, когда оба афериста — директор клуба и его заместитель, отказались от своего данного при аресте показания о соучастии Наумова и стали утверждать, что он был обычным наемным лектором, не посвященным в их незаконные операции.

Тогда в дело вмешался современный орган внесудебной расправы — Институт судебно-психиатрической экспертизы им. Сербского, возглавляемый небезызвестным академиком Снежневским⁴. У слишком совестливых аферистов обнаружена шизофрения. Их уже лечат. Разумеется, принудительно. Нет никакой уверенности, что они действительно больны, поскольку доверие к выводам института Сербского полностью подорвано систематическими злоупотреблениями.

1) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1718. Текст опубликован в газ. «Русская мысль», 6. 6. 74.

2) М. Б. ВНИИ инструментов медицинской техники.

3) Э. К. Наумов был осужден 26. 3. 74 на процессе, длившемся 15 дней (см. ЮПИ, 28. 3. 74). Наумов — соавтор послесловия к репортажу Л. Колодного о телепатич. опытах Карла Николаева (см. «Моск. пр.», 17. 6. 66) и статьи «Человек с ис-мозгом» (см. «Смена», 1967, № 2).

4) В действительности А. В. Снежневский — дир. Ин-та психиатрии АМН СССР, а дир. Ин-та им. Сербского — Г. М. Морозов. В тексте речь идет о Снежневском (см. ЮПИ, 28. 3. 74).

Наумова постановили считать здоровым. Убрать его тихо (ибо что могло быть убедительней для широкой публики, чем объявить шизофреником парапсихолога?) — оказалось недостаточно.

Понадобилась демонстрация силы, понадобился открытый процесс, понадобилось осуждение Наумова, несмотря на то, что все обвинение повисло в воздухе. Около сорока свидетелей (можно было набрать и четырехста!) показали, что они действительно слушали лекции и покупали билеты у руководителей клуба и общественных распространителей.

Но при чем здесь лектор Наумов?

Нельзя же принимать всерьез утверждение прокурора о том, что получение Наумовым платы за лекцию (даже и с обычным в лекционной практике нарушением формальностей) можно рассматривать как участие в «дележе выручки»! Или утверждение, что Наумов использовал «насмный труд»: в связи с тем, что во время его лекций в клубе работали уборщица и киномеханик!

Мужественный защитник Наумова Лев Молчанов (рискуя своей юридической карьерой) потребовал оправдательного приговора, показав полную несостоятельность всех пунктов обвинения.

И все же — два года лагерей.

В чем же действительно «виноват» Наумов?

Чтобы понять это, необходимо выйти за рамки судебного процесса и обратить внимание на те угрозы и предупреждения, с которыми неоднократно обращались к Наумову органы КГБ.

Ведь на что он осмелился — на протяжении многих лет он поддерживал свободные, личные, человеческие, *не санкционированные* сверху контакты со многими зарубежными учеными, вел с ними обширную переписку, использовал получаемую от них научную информацию для пропаганды парапсихологии в СССР.

Он по личной инициативе организовывал международные встречи и научные симпозиумы, состоял членом международных обществ, выступал как представитель советской парапсихологии, в то время как эта наука не была в СССР официально признана (как будто без такого признания наука становится несуществующей!).

Он создавал нежелательный прецедент, показывал «опасный» пример, принимал всерьез разговоры о мирном сосуществовании и международном научном сотрудничестве. Вслед за ним то же самое стали делать и другие советские парапсихологи, хотя и не в таком масштабе, как Наумов. Будучи увлеченными энтузиастами своей науки, они нарушали — не советский закон, нет — но те негласные (по существу — противозаконные) партийно-идеологические установки, подчинение которым требуется от каждого человека в СССР.

Хотя все эти действия не могли быть преследуемы по закону,

они не могли в то же время остаться безнаказанными. И вот — наказывают. Наумов — в заключении, другие парапсихологи пока что изгнаны с работы. Пока что . . .

Вторая вина Наумова — идеологическая.

До последнего времени парапсихология рассматривалась в СССР как «мистика» и «лженаука», разделяя судьбу теории относительности, квантовой механики, кибернетики, генетики — короче, всех достижений современной науки, против которых боролось «самое передовое, единственное научное мировоззрение».

Этот мотив неоднократно звучал в травле парапсихологии в печати и в публичных выступлениях ученых, прозвучал он и в следствии по делу Наумова.

Никто иной, как тот же Снежневский, является автором акта научной экспертизы фильмов, изъятых при обыске у Наумова. Разумеется, вся парапсихология оценивается им как шарлатанство (кстати, проведенная в ходе следствия криминалистическая экспертиза показала, что фильмы не смонтированы, т. е. «сняты с реальных объектов»). При чтении этого «произведения» Снежневского невольно вспоминаются времена Лысенко. Поистине, они ничего не забыли и ничему не научились!

Наша научная и гражданская совесть не может протестовать против того, что кто-то из ученых считает парапсихологию ошибкой — это относится к области обычной научной полемики.

Но наша совесть не может примириться с тем, что лишают права голоса инакомыслящих в науке — какими бы странными ни казались их взгляды. Наша совесть не может примириться с тем, что поиск новых областей науки допускается только в организованном порядке, что научное творчество пытаются запрограммировать, что первооткрыватели подвергаются преследованиям.

Дальнейшая судьба Наумова и, возможно, других энтузиастов-парапсихологов, в значительной степени зависит от реакции общественного мнения в СССР и за рубежом.

Помимо того, что данный приговор откровенно противозаконен, помимо того, что он может послужить началом целой серии подобных же акций, вызывает крайнюю тревогу то жестокое обращение, которому был подвергнут Наумов, человек уже немолодой и с очень слабым здоровьем. Не считая обычного избиения, которому он был подвергнут год назад при первом аресте, укажем на тот факт, что после приговора он был взят из дома с тяжелым воспалением легких и температурой сорок, и вместо предусмотренного законом немедленного отправления в больницу (хотя бы тюремную), он был подвергнут бессмысленному и издевательскому трехчасовому допросу в отделении милиции.

Необходимо добиться освобождения Наумова!

Я обращаюсь к зарубежным парапсихологам — употребите все свое влияние на поддержку Наумова!

Будет большой ошибкой, если вы откажете ему в своей помощи из опасения повредить развитию вашего сотрудничества с официальной советской наукой. Парапсихология может стать орудием антигуманизма, если она будет созидаться ценой равнодушия к судьбе отдельного человека, тем более человека, отдавшего парапсихологии всю свою жизнь.

Я обращаюсь к людям с мистическим и религиозным мировоззрением — употребите часть своей духовной энергии на то, чтобы психическая сфера бытия, к изучению которой настойчиво призывал Наумов, не стала сферой безраздельного господства злых сил; необходимо, чтобы освоением этой сферы занимались искренние и честные люди, подобные Наумову, а не только те, кого парапсихология интересует лишь как новое орудие насилия над человеческой личностью.

Я обращаюсь к людям, не верящим в парапсихологию, — поднимите свой голос в защиту Наумова, вспоминая благородные слова Авраама Линкольна, обращенные к идейным противникам: я ненавижу ваши убеждения, но готов отдать свою жизнь за то, чтобы вы имели право их свободно высказывать⁵.

Я обращаюсь к советским научным и общественным деятелям — к адвокатам и журналистам, ко всем, кому дороги те с трудом пробивающиеся ростки творческой свободы и правового сознания, без которых наше общество лишено будущего: требуйте отмены несправедливого приговора!

Я обращаюсь к общественности Запада и Советского Союза — добивайтесь превращения мирного сосуществования из политической фикции, опасной, как всякая ложь, — в реальность, создаваемую людьми и для людей! Созидаемый мир будет чреват раздором, если в его основу будет положен отказ от требований человеческой совести, отказ от защиты невинно страдающих людей.

Если мы стремимся к подлинному миру, к свободному научному сотрудничеству, к тому, чтобы наука служила гуманным целям, мы должны доказать это, превратив новый прецедент насилия и несправедливости — в прецедент победы правды и человечности!

30 марта 1974 г.

⁵ Так в получ. копии, но фраза приписывается Вольтеру, источник — его письмо к Месье леРиш от 6. 2. 1770: «Месье аббэ, я ненавижу то, что Вы пишете, но я отдал бы свою жизнь, чтобы Вы могли продолжать писать» (см. Бартлет, «Фамильер куотейшонс», изд. 14, Бостон, 1968, с. 418).

Александр ГИНЗБУРГ

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ*

Травля Александра Солженицына закончилась его изгнанием. Расчет был лишить нравственной опоры гонимых за мысль, за отказ от лжи, за страждущую любовь к своему народу. Есть пример Солженицына — значит легче держаться человеческого: отстаивать свои права и не ронять достоинство — на службе, работе, в тюрьме и лагере.

Но для многих Солженицын был не только опорой нравственной. Не один год, как я знаю, обращались к нему за материальной поддержкой политзаключенные, их родственники и друзья — и получали ее.

Высылка Солженицына не прекратит этой помощи, и сами политзаключенные, семьи их и те, кто им помогают, могут по-прежнему рассчитывать на поддержку Александра Исаевича. Мне выпала честь содействовать ему в конкретном осуществлении этой задачи. Вот адрес, по которому можно обращаться:

Калужская область
Таруса
Лесной переулок, д. 5
Александр Ильич Гинзбург

Легко предвидеть, что на этом пути возникнут многие препятствия, в особенности на первых порах — как всегда в нашей стране, когда гласными становятся не славословия властям, а горькие свидетельства результатов их власти.

Но я разделяю убеждение Солженицына, что правота силы неизбежно должна уступить перед силой правоты.

И добра.

21 апреля 1974 г.

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода, АС 1679. Англ. выдержки см. Рейтер, 26. 4. 74, и в газ. «Интернейшнл геральд трибюн», 27. 4. 74.

ОБРАЩЕНИЕ

Мы, граждане немецкой национальности, проживающие в СССР, обращаемся к мировой общественности и людям доброй воли во всем мире, к международным организациям по защите гражданских прав.

Мы настоятельно просим вас обратить внимание на положение нашего меньшинства в Советском Союзе. Многие наши сограждане добиваются выезда на свою историческую родину Германию. Многие в течение длительного времени пытаются безуспешно осуществить свою мечту. В результате грубого отношения властей к желающим вернуться на свою историческую родину и постоянных отказов, возникла сложная ситуация. Некоторые отчаявшиеся люди, не видя никаких перспектив, решаются на крайние меры, выливающиеся в демонстрации протеста, имевших место в Москве и в Талине. Нами организованы комитеты граждан немецкой национальности, ставивших себе целью — осуществление выезда из СССР.

Ассоциация граждан немецкой национальности подала властям заявление об официальном признании Ассоциации. Власти не изволили ответить на наше заявление. После ряда демонстраций отдельных граждан и групп власти арестовали в Эстонской ССР некоторых членов Ассоциации и постоянно учиняют допросы другим, пытаясь использовать их показания против арестованных. Так Г. Фасту, П. Бергману и В. Шульцу инкриминируются абсурдные обвинения лишь за то, что они являются членами Ассоциации. Цель властей ясна: не допускать никакого объединения немецких граждан, так как гораздо легче запугивать их в одиночку, тем более, что в Таллинском ОВИРе есть такой гражданин, как Полеман, от которого неоднократно выходят обратившиеся к нему люди со слезами отчаяния, что в конечном итоге и является причиной демонстративных действий и противоречат подобные действия властей Конституции СССР, в которой ясно сказано, статья 125, а) свобода слова, б) свобода печати, в) свобода собраний и митингов, г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Власти игнорируют собственную Конституцию с целью заставить замолчать людей, недовольных своим бесправным положением. Для нашего народа в СССР не сделано ничего, чтобы удовлетво-

рять насущные потребности народа в сохранении собственного языка и культуры. Наоборот стремятся как можно быстрее ассимилировать нас.

Мы не желаем и протестуем [...] ¹ против игнорирования нашим родным языком и национальной культурой. Мы не видим другого выхода кроме выезда из СССР. Мы будем вести борьбу до полного осуществления наших чаяний, не считаясь с арестами и прочими преследованиями населения. В советской прессе появляются статьи о том, что в Чили Хунта устраивает незаконные судебные процессы над чилийскими гражданами, но никогда не обмолвится и словом о тех судилищах, которые устраиваются в собственной стране; где подсудимые осуждаются по вымышленным обвинениям, сфабрикованным органами КГБ, выдвигаются обвинения в клевете на советский государственный и общественный строй, тогда как единственным желанием подсудимых были и есть желание выехать из СССР. Подсудимые лишены возможности пригласить защитника по собственному усмотрению, так как к ним приставляют защитника угодного обвинению.

Это ли не возмутительно — это считается самым демократическим народным судом. После всего этого власти бессовестно публикуют в прессе статьи о нарушении гражданских прав и свобод в других странах. Так в газете Советская Эстония от 13 июня 1974 года появилась статья «Обращение к мировой общественности», где корреспондент ТАСС Петров передает из Копенгагена о том, что 9 и 10-го июня состоялось заседание Секретариата Международной комиссии по расследованию преступлений военной Хунты в Чили. Ниже в статье говорится: «На заседании были заслушаны сообщения депутатов [...] ², выезжавших в Чили в составе делегации Комиссии и присутствовавших в качестве наблюдателей на проходящих в этой стране судебных процессах. Не странно ли? Пусть бы попробовал хотя бы один представитель западной общественности пожелать присутствовать на судебных процессах, проходящих в СССР над гражданами, добивающимися выезда. Тут же посыпались бы угрозы и обвинения в адрес просителя в наглом вмешательстве во внутренние дела миролюбивого государства, где права граждан и [их] свободы охраняются как нигде в мире.

Далее в этой же статье читаем: «Поскольку эти судебные процессы противоречат международно-признанным юридическим нормам Комиссия, — отмечается в телеграмме, — требует отменить незаконные процессы и освободить политических заключенных.

1) Пропуск в полученном тексте.

2) Неразборчиво в полученном тексте.

Если требование общественности не будет выполнено Комиссия настаивает на допуск иностранных адвокатов в качестве защитников обвиняемых». Выше нами было сказано о недопущении на судебные процессы не то что иностранных адвокатов, но [даже адвокатов] из собственной страны [выбранных самими обвиняемыми и] которым обвиняемые больше доверяют. Не парадоксально ли это? Ниже в статье читаем «Судебные процессы в Чили подрывают общечеловеческие ценности, закрепленные Всеобщей декларацией прав человека и Международным Пактом о гражданских и политических правах, попирают идеалы коммунизма гуманизма и справедливости». Как красиво сказано! Но что происходит в СССР? Не эти ли самые политические процессы, лишь с той разницей, что нет пока расстрела? Но давно ли они отменены? Здесь как нельзя лучше подходит старая русская поговорка: «В чужом глазу сучок заметили, а в своем — бревна не видят».

Советские власти утверждают [что] нас преследуют якобы не за то, что мы хотим выехать, а за то что нарушаем советское право. Но все что мы делаем это ходатайство и обращения в различные инстанции в письменной форме, а также направление наших членов на приемы в некоторые инстанции, компетентные в нашем вопросе. Если это считается нарушением советского права, то уместно спросить: что же не является нарушением этого права? Мы находимся в полном бесправии. Дальнейшая наша судьба зависит от того, насколько мы получим поддержку от мирового общественного мнения. В связи с этим мы обращаемся к вам в надежде на ваше содействие.

Мы также призываем вас повлиять на советское руководство чтобы освободить наших ни в чем не повинных сограждан, осужденных в Казахской ССР в городе Иссык Алма-Атинской области, в городе Актюбинске и Караганде. Мы хотели бы надеяться на вашу солидарность с нами в нашей борьбе за право оставаться теми, какими мы были произведены на свет нашими матерями и за право воспитывать в наших детях любовь к своему языку и культуре, ибо мы лишены этой возможности в СССР. Советские власти не смогут игнорировать постоянно мирового общественного мнения.

С искренним уважением:

Давыд Гензе, Артур Киришман, Аркадий
Зейферт, Александр Рудковский, Ида
Ратт, Владимир Гольке, Александр
Мессершмидт и другие.

4. Авторы Самиздата об авторском праве

В. ВОЙНОВИЧ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВААП*

**тов. Б. Д. Панкину в ответ на его интервью, опубликованное
«Литературной газетой» 26 сентября 1973 г.**

Уважаемый Борис Дмитриевич!

Правду сказать, до появления в газете Вашего интервью, я волновался, не понимая в чем дело. Вдруг какой-то совет учредителей создал какое-то агентство по охране каких-то авторских прав.

Для чего?

Авторские права внутри нашей страны, порою своеобразно, но все-таки охранялись и раньше. А за рубежом...

Именно это меня волновало. Кто, — думал я, — больше всего может беспокоиться об охране своих авторских прав за рубежом? Вероятнее всего, те, кто больше других там издается. Например, А. Солженицын, В. Максимов, академик А. Сахаров и прочие так называемые диссиденты, извините за модное слово. Было бы естественно предположить, что именно они и вошли в совет учредителей. Но узнав, что председателем совета избран товарищ Стукалин, я сразу отмел это предположение. Нет, — сказал я себе самому, — товарищ Стукалин такой совет никогда не согласится возглавить.

Ваше интервью кое-что прояснило, а кое-что еще больше запутало. С одной стороны, конечно, приятно, что в совет учредителей от писательской общественности вошли такие крупные творческие индивидуальности, как Г. Марков, Ю. Верченко, С. Сартаков и т. д. С другой стороны непонятно, почему именно они больше других заботятся об охране авторских прав? Ведь на их авторские права за пределами нашего отечества, думается, никто особенно не посягает.

Мне приходили в голову самые нелепые мысли. Я даже подумал, что может быть, пока я не следил за творчеством этих писателей, они создали небывалые по силе шедевры, над которыми нависла

*) Перепечатано из Материалов Самиздата, Архив Самиздата, Радио Свобода. АС 1484. ВААП — Всесоюзное агентство по авторским правам.

угроза попасть в Самиздат, в «Посев» или, например, к Галлимару. А может быть, они бросились на защиту чужих авторских прав из чистого альтруизма?

Я попытался уяснить себе цели агентства, которое указанные товарищи учредили, а Вы возглавили.

В своем интервью Вы говорите, что деятельность Вашего агентства будет направлена на «усиление обмена подлинными достижениями в различных сферах человеческого духа». Слово «подлинными» подчеркнуто не было, но я его все же заметил. Я подумал, что определять подлинность достижений в сферах человеческого духа — дело довольно сложное. Иногда на это уходили годы, а то и столетия. Надо надеяться, что теперь подлинность достижений будет определяться немедленно.

Кем же? Вашим агентством?

Хотелось бы знать по каким признакам. Можно ли считать подлинными достижения А. Солженицына? Или теперь подлинными будут считаться достижения товарища Верченко?

В тексте своего интервью Вы справедливо замечаете, что автору того или иного произведения заниматься охраной собственных прав «хлопотно и незаконсично». В подтексте Вы намекаете, что автору станет и вовсе хлопотно, если он, издаваясь за границей, не возьмет в посредники Ваше агентство. В таком случае автор, видимо, считается нарушителем государственной монополии на внешнюю торговлю и автоматически переходит в разряд уголовных преступников.

Это богатая идея. Она таит в себе ряд любопытных возможностей. Например, такую. Передав свое достижение за границу, автор сам становится объектом охраны. Охрану авторских прав вместе с носителем этих прав следует признать самой надежной. В связи с этим, мне кажется, было бы целесообразно возбудить перед компетентными инстанциями ходатайство о передаче в ведение Вашего агентства Лефортовской или Бутырской тюрьмы со штатом охранников и овчарок. Там же можно было бы разместить не только авторов, но и их правопреемников. А поскольку Ваше агентство обещает гражданам государств-участников Всемирной конвенции те же права, что и собственным гражданам, то такую же форму охраны можно было бы распространить и на них.

Меня, однако, смущает следующее обстоятельство. Ваше агентство, судя по всему, является общественной, а не государственной организацией. Но поскольку монополия на внешнюю торговлю принадлежит именно государству и только ему, то не грозит ли Вашему агентству риск самому быть подвергнутому уголовному преследованию. Если агентство станет объектом охраны, то как

оно сможет охранять что-то другое? Над этим, пожалуй, стоит подумать.

И еще одно предложение.

Поскольку Ваше агентство намерено само определять когда, где и на каких условиях издавать то или иное произведение или не издавать его вовсе, то эта правовая особенность агентства должна, очевидно, отразиться в его названии. Предлагаю впредь именовать его не ВААП, а ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав.

Всего одна лишняя буква на вывеске, а насколько точнее становится смысл!

Развивая это предложение, можно считать естественным присвоение вместе с авторскими правами и самого авторства. В дальнейшем Ваше агентство должно произведения советских авторов издавать от своего имени и нести ответственность за их идейно-художественное содержание.

Желая внести личный вклад в это интересное начинание, прошу автором данного письма (и, естественно, носителем авторских прав) считать агентство ВАПАП.

Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

2 октября 1973 г.

5. Авторы Самиздата из заключения

В КОМИТЕТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, МОСКВА, СССР

Мы, нижеподписавшиеся, группа политических заключенных лагеря ЖХ 385/19, расположенного в Мордовской АССР, обращаемся к вам с просьбой рассмотреть вопрос об условиях содержания политических заключенных в советских лагерях. Мы просим вас подвергнуть изучению как сами законодательные акты, регулирующие жизнь полит-з/к, так и то в какой мере эти законы воплощаются в жизнь. Не все из нас, подписавших это письмо, рассматривают себя как граждан Советского Союза, однако все мы в равной мере испытываем на себе действие советских законов и естественно заинтересованы в том, чтобы эти законы в максимальной степени соответствовали высоким принципам Декларации прав человека.

Поднять этот вопрос особенно важно именно сейчас, когда СССР ратифицировал Пакты о правах человека и естественно ожидать приведения законодательства в полное соответствие с требованиями этих Пактов. Мы надеемся, что ваш Комитет в максимальной мере окажет советским законодательным органам необходимое консультативное содействие. Проблема полит-з/к не может быть обойдена молчанием особенно сейчас в условиях намечающейся разрядки международной напряженности, ибо ни одна страна не может претендовать на роль равноправного участника международного диалога, не решив предварительно проблемы полного обеспечения прав человека для своих граждан и иных лиц, находящихся на ее территории.

Мы полагаем, что в решении этой проблемы немалую роль могут сыграть общественные организации, каковой является ваш Комитет. Немалое значение мы придаем и гласности обсуждения этой проблемы. К сожалению попытки гласного обсуждения проблемы полит-з/к приводят зачастую к суровым репрессиям со стороны

администрации лагерей. Так за попытку обращения в ваш Комитет по этому же вопросу, сделанную летом 1973 года группой лиц нашего лагеря, были отправлены во Владимирскую тюрьму наши товарищи Н. Будулак-Шарыгин /подданный Великобритании/ и Б. Шакиров. Мы однако считаем поднимаемый нами вопрос крайне важным и обращаемся к вам вторично.

Мы в этом письме ограничиваемся лишь тем, что относится к режиму заключения в лагерях. К сожалению приходится констатировать, что советское законодательство не проводит никакого различия между заключенными уголовниками и политзаключенными. Сам термин полит-з/к в законе отсутствует и наличие в Советском Союзе полит-з/к публично отрицается. Советский закон правда вводит понятие особо опасный государственный преступник, однако это не улучшает дело, ибо к этой категории наряду с политзаключенными отнесены и лица, таковыми отнюдь не являющимися (например судимые за военные преступления). Более того строгий режим содержания кодифицированный в ИТ Кодексе абсолютно одинаков, как для особо опасных государственных преступников так и для лиц, осужденных за такие преступления, как например убийства. Недавно в газетах всего мира, в том числе и советских, появилось сообщение, что Чилийская военная Хунта запретила употребление термина «политзаключенный» и потребовала от газет писать лишь о лицах, осужденных за уголовные и военные преступления. Мы согласны с тем, что такое смешение понятий является абсолютно недопустимым независимо от того в какой стране оно проводится.

Условия содержания в лагере строгого режима теоретически определяются ИТ Кодексом, имеющим силу закона. Практически же однако эти условия определены Инструкциями, издаваемыми МВД СССР (например так называемый Приказ № 20¹ от 14 января 1972 года, объявленный лишь частично и ряд других «закрытых» инструкций). Эти инструкции дополняют закон, — например, устанавливают дополнительные ограничения на набор продуктов питания для заключенных, — противоречат ему, — например, запрещение в так называемых штрафных изоляторах (ШИЗО), — и устанавливают пути для обхода закона, — например, з/к нельзя наказать за непосещение так называемых политзанятий, но зато его можно наказать за нарушение режима, ибо политзанятия включены в режим дня. Во всех случаях, когда закон и внутриведомственная инструкция вступают в коллизию, приоритет всегда отдается инструкции. Такая система двойного регулирования жизни лагеря, законодательного и административного, открывает широкие возможности для произвольного ожесточения режима. Огла-

шение недавно новой инструкции — о введении в лагерях строевой подготовки — ясно указывает на то, что эта угроза весьма реальна. На наш взгляд ограничение права «законотворчества» исполнительных органов резко уменьшило бы возможности произвола.

ИТ Кодекс особо оговаривает, что лица осужденные за особо опасные государственные преступления могут содержаться в заключении и на территории другой республики, независимо от места их осуждения. Практически для полит-з/к это означает содержание на территории РСФСР (Мордовская АССР и Пермская область). Для весьма многочисленной категории полит-з/к из Прибалтики или Украины заключение в лагере имеет таким образом своим прямым следствием депортацию. Они попадают в распоряжение администрации, непонимающей даже их языка, в чужую им среду. Их связи с родиной насильственно прерываются. Для лиц, выступающих за свои национальные интересы, такое дополнительное наказание особенно тяжело.

Статья 5 Декларации прав человека гласит, что никто не должен подвергаться жестоким бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию. Между тем целый ряд условий лагерной жизни противоречит этому требованию Декларации.

Согласно Кодексу каждый заключенный, полит-з/к в том числе, в принудительном порядке должен трудиться. Нам неизвестно в какой мере это требование Кодекса соответствует Конвенции МОТ о запрещении принудительного труда. Труд в лагере является не только принудительным, но и тяжелым физическим трудом, особенно тяжелым для лиц умственного труда, каковыми являются значительная часть полит-з/к. Продолжительность труда составляет 48 часов в неделю, причем несмотря на имеющиеся в Кодексе оговорки, фактически продолжительность рабочей недели не сокращается даже при вредных условиях труда. А условия эти таковы, что здоровье з/к постоянно подвергается опасности. Например, в условиях нашего лагеря (деревообделочное производство) в течение 8 часов в сутки приходится трудиться в цехах, воздух которых будто насыщен древесной и абразивной пылью, парами кислот и ацетона. Станки, на которых ведется работа, практически не имеют защитных устройств. Движущиеся части их открыты, так что возможности для производственного травматизма исключительно широки.

Тяжесть труда еще усиливается недостаточным питанием. Вот те суточные нормы питания, которые полагаются заключенному официально в лагере, в лагерной тюрьме (т. е. помещение камерного типа — ПКТ) и в карцере (так называемый штрафной изолятор — ШИЗО):

СУТОЧНЫЕ НОРМЫ ПИТАНИЯ В ГРАММАХ — В ЛАГЕРЕ, В ЛАГЕРНОЙ ТЮРЬМЕ (ПКТ) И В КАРЦЕРЕ (ШИЗО)

П р о д у к т	Лагерь	Лагерная тюрьма (ПКТ)	Карцер (ШИЗО)
Хлеб ржаной	650	600	450
Мука пшеничная	10	10	10
Крупа	110	80	50
Макаронны	20	10	0
Мясо	50	30	0
Рыба	85	75	60
Жир	10	0	0
Растительное масло	15	15	6
Сахар	20	10	0
Картофель	450	350	250
Овощи	200	200	200
Томат-паста	5	5	5

Заметим, что в карцере горячее питание выдается лишь через день. В так называемые холодные дни выдается только хлеб.

Приведенные цифры соблюдаются лишь номинально. Фактическое вложение в котел з/к вследствие разных «потерь» разумеется много меньше. Однако, ясно видно насколько малы даже эти официальные нормы. Ориентировочная калорийность лагерного питания примерно 3000 калорий в сутки, тогда как для рабочих, занятых немеханизированным и неполностью механизированным трудом, каким мы занимаемся, нормой является около 4000 калорий в сутки. Калорийность же питания в ПКТ (а там труд только ручной!) и того ниже. Еще хуже дело обстоит с качественным составом пищи. Резко ощущается белковая недостаточность, нехватка углеводов, витаминов (летом з/к в массовом порядке, восполняя недостатки витаминов, едят дикорастущие травы).

Возможности получения дополнительной пищи ничтожны. З/к могут приобретать в лагерном ларьке продукты питания на сумму только 5 рублей в месяц (в ПКТ 2 рубля). При этом набор продуктов, разрешенных для продажи з/к резко ограничен. Это селедка, сыр, дешевые конфеты, жир, повидло, растительные и мясорастительные консервы, хлеб. В ту же ничтожную сумму 5 или 2 рубля входят также и предметы первой необходимости, мыло, носки и т. п., что еще уменьшает количество этого дополнительного питания. Заметим, что за любую «провинность» (даже за плохо заправленную койку) з/к может быть лишен права получения этих

дополнительных продуктов питания. Тем же набором продуктов ограничен и состав посылок, которые могут получать з/к. При этом они имеют право лишь на одну посылку в год весом до 5 килограмм и то по отбытии половины срока заключения. Кроме этого они могут лишь дважды в год получать по одному килограмму бандероли с печеньем.

Любые другие продуктовые посылки и передачи, будь то от частных лиц или организаций запрещены. Даже Красный Крест не может прислать в лагерь посылку (впрочем советский Красный Крест и не занимается этим вопросом; как ответил Заместитель Председателя советского Красного Креста политзаключенному А. Марченко лица «поднявшие руку на советскую власть не могут рассчитывать на гуманность по отношению к ним»).

Наряду с недостаточным питанием на здоровье з/к сильно отражается и плохое медицинское обслуживание. Трудно говорить о соблюдении медиками клятвы Гипократа, если они официально подчинены МВД, а не Министерству здравоохранения, и открыто носят форму внутренних войск². На первое место неизбежно выходят не соображения гуманности, а так называемые «оперативные» соображения.

Медицинские кадры в лагерях низкоквалифицированные. Прием больных ведется зачастую не врачом, а фельдешерами и едва ли не единственным бесспорным признаком болезни является высокая температура. Врачи специалисты в лагерях почти не появляются и добиться хотя бы простейшей консультации у них требует неимоверных усилий. Многие лекарства отсутствуют, а имеющиеся — с истекшим сроком годности. Между тем присылка в лагерь лекарств родственниками з/к или какими либо организациями категорически запрещена.

Диетическое питание для больных формально существует. Но фактически является лишь формой дополнительного питания, назначаемого зачастую из «оперативных» соображений. Никакого учета в характере заболевания в диетпитании не производится — оно единое. В лагерной же тюрьме (в ПКТ) диетпитание вообще не назначается (запрещено очередной инструкцией).

В особо острых случаях заключенных отправляют в центральную лагерную больницу за несколько десятков километров. Больных везут в закрытых тюремных спецмашинах (воронках) по неимоверно разбитой грунтовой дороге. О характере этой дороги говорит хотя бы то, что известны случаи переломов (!) конечностей в результате такой «поездки». Недаром эта дорога получила у з/к недоброе имя дороги смерти.

Такую систему медобслуживания никак нельзя признать гуманной. И нам представляется отнюдь не случайной, например, смерть

нашего товарища Ю. Галанскова, последовавшая 4 ноября 1972 года в центральной лагерной больнице³.

Помимо физического ущерба для здоровья существующие условия содержания сопряжены в значительной мере и с моральным ущербом, с унижением достоинства з/к. З/к в лагере всегда острижен наголо, носит специальные нашивки на груди, обязан соблюдать специальный порядок приветствия сотрудников администрации, идущие в разрез с общепринятыми нормами вежливости⁴. Согласно последней инструкции, как уже говорилось, вводится специальная форма строевой подготовки.

З/к может получить свидание с близкими лишь один раз в год наедине (от одного до трех суток) и два раза в год в присутствии представителей администрации (от двух до четырех часов). Это конечно при условии, что он не лишен этого права за какие либо мелкие нарушения, что бывает очень часто. Свидания наедине допускаются лишь с близкими родственниками. Краткосрочные же свидания теоретически могут быть с любыми лицами. Но администрации дано право допускать на свидание лишь тех кто «влият на осужденного положительно». Для полит-з/к это практически означает невозможность встреч с любыми лицами, в какой либо мере разделяющими его взгляды. Свидания с родственниками наедине даются лишь при условии, что они дают согласие на самый тщательный обыск вплоть до раздевания догола⁵. При свидании в присутствии надзирателей обыск не производится, однако всякие контакты запрещены. З/к не может даже пожать руку жене или поцеловать ребенка. Между ними выдерживается расстояние около двух метров. Они разделены барьером. Разговор может вестись только на русском языке. Теоретически возможно приглашение переводчика, однако этого никогда не делается.

Переписка з/к резко ограничена. Он отправляет лишь два письма в месяц (в ПКТ одно письмо в 2 месяца). Получение писем теоретически не ограничено. Однако практически корреспонденция з/к произвольно фильтруется. Помимо официальных конфискаций писем по мотивам «недозволенности» информации, значительная доля писем (иногда до половины) просто исчезает, причем з/к об этом даже не ставят в известность. Сроки вручения разрешенных писем растягивается подчас на недели, а иногда и на месяцы. Особенно это все относится к зарубежной корреспонденции.

З/к может получать и читать литературу только изданную в СССР (как периодику, так и книги). Даже литература из дружественных СССР социалистических стран, даже иностранная коммунистическая печать находится под строгим запретом. Таким образом информация, поступающая в лагерь строго фильтруется.

В лагере полностью также отсутствуют радиоприемники и телевизоры.

Лагерная библиотека очень скудна и возможности получения литературы извне резко ограничены. З/к может получать книги только через систему Книга-почтой, что практически означает, что получить можно только недавно изданные и не пользующиеся спросом книги. Получить книгу прошлых лет издания или тем более дефицитную книгу невозможно. Присылка любого вида печатных изданий частными лицами строжайше запрещена. Невозможно даже вложить в письмо газетную вырезку.

В результате этого для лиц умственного труда, какими являются многие полит-з/к, всякие возможности поддержания своей квалификации на должном уровне (не говоря уже о творчестве) — полностью исключены. Выйдя из лагеря после многих лет заключения человек оказывается полностью дисквалифицированным как специалист.

Отметим, что суровые ограничения на получение литературы принимают особенно нетерпимый характер, когда речь идет о получении религиозной литературы (прислать в лагерь Библию или Евангелие невозможно) или такой литературы, которой в СССР попросту не издается (например, литература на иврите).

Ограничения творческой работы для лиц умственного труда выражаются не только в отсутствии литературы. Художник, например, лишен всякой возможности творить, ибо упомянутая уже Инструкция № 20 категорически запрещает краски и даже цветные карандаши. В исторической литературе до сих пор со справедливым негодованием пишут о запрещении рисовать, наложенном на Тараса Шевченко. Это трудно совместить с Инструкцией № 20. Заметим, что художники есть и среди нас.

Перечисленное в настоящем письме — лишь часть тех недопустимых, антигуманных и унижительных явлений, с которыми приходится сталкиваться полит-з/к в советском лагере.

Мы ожидаем, что наше письмо привлечет внимание вашего Комитета, равно как и общественности в целом к этой острой и безотлагательной проблеме.

Мы предоставляем Комитету полное право использовать настоящее письмо в любых формах, которые он сочтет целесообразным. Март-Апрель 1974 года.

К. А. Любарский*
А. М. Гольдфельд
Б. П. Азерников

З. В. Попадюк, укр. полит-з/к
Б. Пэнсон
С. А. Бабич

*) Автор Последнего слова, опубликованного в настоящем выпуске, в 3-ей секции.

Это Обращение опубликовано в самиздате в Сборнике под названием «О содержании заключенных — подборка сведений». Цифры в тексте соответствуют ниже приведенным сноскам Составителя Сборника:

1) О приказе № 020. Лагерная администрация вводя новые более жесткие порядки ссылалась на существование приказа № 020. Первая цифра «0» в нумерации приказа означает, что он идет под грифом «Для служебного пользования», поэтому з/к справедливо указывали, что секретные приказы необязательны для них. После этого лагерное начальство стало называть его просто № 20. Как выясняется основные изменения, вносимые в режим этим приказом следующие: 1) Ранее в ШИЗО сажали на срок не более 15 суток; теперь срок ограничивается только состоянием здоровья. 2) Утверждается ассортимент продуктов, разрешенных в посылках и бандеролях. В бандеролях — сухие кондитерские изделия кроме шоколада и изделий из него (на практике так было и раньше). В посылках — хлеб и хлебо-булочные изделия; селедка; консервы мясорастительные, сало-бобовые, рыбные, овощные; лук; чеснок; сыр; сало-шпиг; масло сливочное; маргарин (раньше пропускали также чай, кофе, мясо). 3) Запрещение посещать другие бараки. 4) Принудительная стрижка бород. 5) Нашивка на одежде — фамилия и номер отряда. 6) Движение по зоне группами только строем (практически в столовую и на работу). 7) Обязанность дневальных (из з/к) сообщать начальнику отряда о нарушениях режима. 8) Махорка причислена к продуктам питания, т. е. теперь при лишении ларька з/к остается без курева. 9) раньше разрешалось писать неподцензурные письма в прокуратуру, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР; теперь — только в прокуратуру. 10) Введен список вещей, которые з/к имеет право хранить при себе (не в каптёрке): 5 книг, две пары белья, туалетные принадлежности, письменные принадлежности, одежда и обувь установленного образца «по нормам положенности» (ранее был только список запрещенных вещей). 11) Ранее, конфискованные письма складывались и хранились в личных делах з/к, что давало возможность ссылаться на них при обжаловании конфискации; теперь — конфискованные письма уничтожаются, это же относится и к личным записям. 12) Основания для конфискации писем: а) нецензурные и иные неприличные выражения; б) клевета на администрацию (на практике это означает, что писать «в бане холодно» или например что пища плохого качества нельзя; в) искажение внутренней или международной действительности (на практике это означает — ничего кроме известного или подтверждаемого из газет, например, данные о потерях Израиля в последней войне до того как о них

сообщалось в газетах); г) условности (на практике все что угодно, обозначение лиц инициалами или только именами, неразборчивая фамилия); д) недозволенные вложения (на практике все что угодно, включая вырезки из советских газет); е) сведения не подлежащие оглашению (например фамилия сокамерника). В отношении заявлений, писем или жалоб в советские органы власти допустимы конфискации только по основаниям пунктов а) и б), тем не менее на практике бывают конфискации заявлений и со ссылкой на пункт е). Вот пример обсуждения содержания писем: Журовков (Замполит Лагеря ВС 389/36, в настоящее время Начальник этого лагеря): — (читая письмо) Что это, вы, здесь по фене выражаетесь? Эрик Данне (З/к, статья 64, шпионаж, 7 лет): — Где? Журовков: — А вот, «нонсенс».

2) 10-11 декабря 1974 года в Париже состоялась Конференция по пыткам, международная конференция неправительственных организаций, проходившая под лозунгом, цитировавшейся выше в этом письме статьи 5 Всеобщей декларации прав человека. В документах этой Конференции, в частности утверждалось «заключенные или любые другие лица, содержащиеся против их воли, должны иметь право на свободное приглашение врачей по их собственному выбору». А в качестве инструмента имплементации этого (и других) принципа Медицинская Комиссия Конференции учредила специальный Комитет, в задачу которого будет входить в частности, изучение существующих национальных и международных врачебных кодексов на предмет соответствия их принципам принятым Конференцией, а также обеспечение информации о кодексах медицинской этики врачебного персонала, работающего в пени-тенциариях.

3) 4 ноября 1973 года, в годовщину смерти Юрия Галанскова многие заключенные направили протесты. Вот ответ прокурора учреждения ЖХ 385 Ганичева на один из них: «Романову А. И. объявить, что смерть Галанскова в причинной связи с незаконными действиями администрации в местах лишения свободы не находится. Протест Романова необоснован», 27 декабря 1973 года.

4) «Осужденный обязан при встрече с сотрудником ИТУ или другими должностными лицами, посещающими ИТУ, здороваться с ними, вставать, в теплое время года снять головной убор. Осужденный обращается к сотрудникам ИТУ на «Вы» и называет «гражданин» или «гражданка» и далее звание и занимаемую должность», из Правил режима содержания.

5) Из письма-обращения матери политзаключенного Б. Пэнсона «21 мая я поехала к сыну в 19-й лагерь на свидание. Одни сутки пришлось нам прождать под предлогом, что в комнате свиданий

произвели дезинфекцию. Я лично и другие, которые были на свидании не заметили никаких симптомов или признаков дезинфекции. Это все было придумано чтобы играть на нервах посетителей. Пока попадешь на свидание немало портят нервов. На сей раз нас родителей, которые приехали на свидание к своим вызвал к себе в кабинет Начальник в военной форме и сказал нам, что если мы согласны на личный обыск, то нам дадут свидания... На личном обыске мне пришлось раздеваться и одеваться не менее 8-и раз. Каждый раз обыск продолжался приблизительно 20-30 минут».

И Н Д Е К С

журнал по вопросам цензуры

Издается организацией *Райтерс эн Сколарс Интернэшнел*, находящейся по адресу улица Расселла, 21, Лондон, Тел. (01) 240-2254 (Writers & Scholars International, Ltd., 21 Russell Street, London WC2B 5HP, Tel. (01) 240-2254).

ИНДЕКС является ежеквартальным изданием, освещающим вопросы политической цензуры, где бы она не имела место, на востоке или на западе, в европе или в другой части света.

ИНДЕКС публикует сведения о писателях, творческих работниках и художниках, подвергающихся ограничению, цензурованию или преследованию. ИНДЕКС также публикует переводы запрещенных сочинений, исследования посвященные отдельным ситуациям, а также хронику конкретных проявлений цензуры.

ИНДЕКС издается на английском языке.

Пробный экземпляр журнала высылается бесплатно.

Цена одного номера 90 английских пенсов или 2,50 доллара США. Цена годовой подписки 3.60 английских фунтов стерлингов или 10 долларов США.

Книги опубликованные Фондом имени Герцена или
в сотрудничестве с Фондом имени Герцена:

Books published by, or in collaboration with,
the Alexander Herzen Foundation:

- ANATOLIJ MARČENKO: *Moi pokazanija*. London: Pall Mall Press Ltd. 1969. 144 p.
- ANATOLIJ MARČENKO: *I confortevoli lager del compagno Brežnev*. La mia testimonianza. Milano: Rusconi Editore 1970. 440 p.
- ANATOLIJ MARTSCHENKO: *Meine Aussagen*. Bericht eines sowjetischen Häftlings 1960-1966. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag 1969. 404 p.
- ANATOLY MARCHENKO: *Mi testimonio*. Prologo: J. A. Llorens Borrás. Barcelona: Ediciones Acervo 1970. 381 p.
- ANATOLIJ MARTJENKO: *Mitt vitnesbyrd*. Med et forord av J. O. Johansen. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag 1970. 296 p.
- ANATOLIJ MARTJENKO: *Mitt vittnesbörd*. Stockholm: Norstedt & Söhnens Förlag 1970. 305 p.
- ANATOLI MARTCHENKO: *Mon témoignage*. Les camps en URSS après Staline. Avec la lettre d'A. Martchenko à Rude Pravo e.a. Paris: Editions du Seuil 1970. 332 p.
- ANATOLY MARCHENKO: *My testimony*. Intr. by M. Hayward. London: Pall Mall Press Ltd. 1969. xxiii, 415 p.
- ANATOLY MARCHENKO: *My testimony*. Intr. by M. Hayward. New York: E. P. Dutton & Co Inc. 1969. xxiii, 415 p.
- ANATOLY MARCHENKO: *My testimony*. Intr. by M. Hayward. Appendix with material on Marchenko's fate. Harmondsworth, Middlesex etc.: Penguin Books Ltd. 1971. 430 p.
- ANATOLY MARCHENKO: *My testimony*. Intr. by M. Hayward. New York: Dell Publishing Co. 1971. xxiii, 415 p.
- ANATOLI MARTSJENKO: *Wat ik zeggen wou*. Van nawoord en aant. voorzien door K. van het Reve. Amsterdam: Van Oorschot 1969. 355 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Neželannoe putešestvie v Sibir'*. New York: Harcourt Brace Jovanovich Inc. 1970. 294 p.
- ANDREI AMALRIK: *Involuntary journey to Siberia*. Foreword by M. Hayward. London: Collins & Harvill Press 1970. 283 p.
- ANDREI AMALRIK: *Involuntary journey to Siberia*. Intr. by M. Hayward. New York: Harcourt Brace Jovanovich Inc. 1970. xiii, 297 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Involuntary journey to Siberia*. Intr. by M. Hayward. A Harvest Book. New York: Harcourt Brace Jovanovich Inc. 1971. xiii, 297 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Massa Nafoei le Sibir*. Tel-Aviv: Dror Publishers. 1971. 342 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Niet begeerde reis naar Siberië*. Amsterdam: Van Oorschot 1969. 339 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Ofrivillig resa till Siberien*. Stockholm: A. Bonniers Förlag 1970. 324 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Ufrivillig rejse til Siberien*. København: Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag A.S. 1971. 331 p.

- ANDREJ AMALRIK: *Unfreiwillige Reise nach Siberien*. Hamburg: Christian Wegner Verlag 1970. 242 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Unfreiwillige Reise nach Siberien*. Reinbek: Rowohlt Taschenbuch Verlag 1971. 242 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Voyage involontaire en Sibérie*. Paris: Ed. Gallimard 1970. 291 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Viaggio involontario in Siberia*. Roma: Coines edizioni 1971. 299 p.
- A Finnish edition appeared in Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö.
- ANDREJ AMALRIK: *Prosušestvuet li Sovetskij Sojuz do 1984 goda?* Amsterdam: Fond imeni Gercena 1969. 71 p.
- ANDRIJ A. AMALRIK: *Či proisnue Radjans'kij Sojuz do 1984 roku?* Peredmov — J. Hajvas. Vidkritij list do A. Kuznecova, etc. Interv'ju V. Koula z A. Amal'rikom. Ostanne slovo A. Amal'rika. Paris-Baltimore: Smoloskyp 1971. 93 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Czy Związek Sowiecki przetrwa do roku 1984?* Paryż: Instytut Literacki 1970. 89 p.
- ANDREJ A. AMALRIK: *Haalt de Sovjetunie 1984?* Voorwoord van J. W. Bezemer. Amsterdam: Elsevier-Bonaventura 1970. 96 p.
- ANDREI AMALRIK: *Hal yabqâ al-Ittihâd as-Sufyîti hattâ 1984*. With Amalriks letter to Kuznecov and his article: Foreign correspondents in Moscow. Beirut: Dâr an-Nahâr 1970. 64 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Hatitkajem Brit-Hamoatsot lisjnat 1984?* préf. de A. Besançon. Tel-Aviv: Sifriat Poalim 1971. 94 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Kann die Sowjetunion das Jahr 1984 erleben?* Zürich: Diogenes Verlag AG 1970. 85 p.
- A. A. AMALRIK: *Skall Sovjetunionen bestå till år 1984?* Stockholm: Aldus/Bonniers 1970. 72 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Sopravviverà l'Unione Sovietica fino al 1984?* Intr. di C. Bo. Roma: Coines Edizioni 1970. 107 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Soren wa 1984 nen made Ikinobiru ka*. Tokio: Jiji Tsushin Sha Ltd. 1971.
- ANDREI AMALRIK: *L'Union soviétique survivra-t-elle en 1984?* Préf. de A. Besançon. Paris: Librairie Arthème Fayard 1970. 118 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Vil Sovjet overleve til 1984?* Forord av J. Sannes. Innl. av H. Kamm. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag 1970. 81 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Vil Sovjetunionen eksistere indtil 1984?* København: Gyldendalske Boghandel Nordisk Forlag 1971. 99 p.
- ANDREI AMALRIK: *1984: Chegará a URSS até lá?* Préf. de H. Kamm et de S. Monas. Rio de Janeiro: Bloch Editôres S.A. 1971. 116 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Will the Soviet Union survive until 1984?* Intr. by L. Labeledz. Contributions from H. Kamm and S. Monas and three additional letters of A. Amalrik. London: Allen Lane. The Penguin Press 1970. 123 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Will the Soviet Union survive until 1984?* Pref. by H. Kamm. Comm. by S. Monas and four open letters of A. Amalrik and one by P. Jakir. Perennial library New York: Harper & Row, Publishers 1971. xxv, 129 p.
- In preparation: Greek, Spanish and Turkish editions.

- ANDREJ AMALRIK: *Will the Soviet Union survive until 1984?* Pref. by H. Kamm. Comm. by S. Monas. New York: Harper & Row, Publishers 1970. 93 p.
- ANDREJ AMALRIK: *P'esy*. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1970. 287 p.
- ANDREJ A. AMALRIK: *Die Nase*. Sechzehn Episoden nach der Erzählung von Nikolaj Gogol. Rollenbuch. Zürich: Diogenes Theaterverlag 1971. 89 p.
- ANDREJ AMALRIK: *East-West. Is uncle Jack a conformist?* Tr. and ed. by D. Weissbort. London: Eyre Methuen Ltd. 1972.
- ANDREJ AMALRIK: *Ist Onkel Jack ein Konformist?* Stück in eine Akt. Rollenbuch. Zürich: Diogenes Theaterverlag 1971. 65 p.
- ANDREJ AMALRIK: *Oost-West; een dialoog in Soezdal*. Toneelstuk in drie bedrijven. Den Haag: In: Hollands Maandblad, Jrg. XI, 259-260 1969. Gepag. 8-25.
- ANDREJ AMALRIK: *Six plays*. New York: Harcourt Brace Jovanovich Inc. 1972. The French edition will appear with Editions Gallimard.
- ANDREJ AMALRIK: *Stat'i i pis'ma*. Serija "Biblioteka samizdata" No 2. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1971. 100 p.
- Programma Demokratičeskogo dviženija Sovetskogo Sojuza*. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1970. 76 p.
- Delo o demonstracii na Puškinskoj ploščadi 22 janvarja 1967 goda*. Sbornik dokumentov pod redakciej Pavla Litvinova. (Pravosudie ili rasprava?) London: Overseas Publications interchange 1968. 158 p.
- PAVEL LITVINOV: *The demonstration in Pushkin Square*. London: Harvill Press 1969. 128 p.
- Edition in Portuguese will appear. Rio de Janeiro: Lidador.
- La Russie contestaire*. Documents de l'opposition soviétique. Paris: Arthème Fayard 1971. 330 p.
- A Spanish translation will be published in Barcelona: Editoriale Juventud S.A.
- Process četyrech*. Sbornik materialov po delu Galanskova, Ginzburga, Dobrovol'skogo i Laškovoij. Sostavlenie i komentarii Pavla Litvinova. Serija "Biblioteka samizdata" No 1. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1971. 634 p.
- The trial of the four*. The case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovol'sky and Lashkova. Compiled by Pavel Litvinov. Foreword by L. Schapiro. Ed. by P. B. Reddaway. London: Longman Publishers 1972.
- Letters and telegrams to Pavel M. Litvinov, December 1967-May 1968*. Documents in English and Russian. Ed. and annot. by K. van het Reve. Dordrecht: D. Reidel Publishing Cy 1969. 199 p.
- Dear comrade: Pavel Litvinov and the voices of Soviet citizens in dissent*. Ed. and annot. by K. van het Reve. Documents in Russian and English. New York: Pitman Publishing corporation 1969. 199 p.
- Nicht geladene Zeugen*. Briefe und Telegramme an Pawel M. Litwinow. Hrsg. und komm. von K. van het Reve. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag 1969. 91 p.
- Waarde kameraad!* Brieven en telegrammen aan Pavel Litvinov, december 1967-mei 1968. Verz. en van aant. voorzien door K. van het Reve. Amsterdam: Arbeiderspers 1969. 99 p.

- JULIJ DANIEL': *Stichi iz nevoli*. Serija "Biblioteka samizdata" No 3. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1971. 94 p.
- Roj Medvedev: *Kniga o socialističeskoj demokratii*. Amsterdam/Paris: Fond imeni Gercena/Editions Grasset & Fasquelle 1972. 402 p.
- Roj Medvedev: *De la démocratie socialiste*. Préface de G. Haupti. Paris: Editions Grasset & Fasquelle 1972. 390 p.
- Roj Medwedew: *Sowjet-Bürger in Opposition. Plädoyer für eine sozialistische Demokratie*. Düsseldorf: Claassen Verlag 1973. 368 p.
- Političeskij dnevnik 1964-1970 (Nrs. 3, 9, 25, 30, 33, 43, 46, 63, 67, 72)*. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1972. 834 p.
- Petr Grigorenko: *Mysli sumassëdšego*. Izbrannye pis'ma i vystuplenija Petra Grigor'eviča Grigorenko. Pred. B. Cukermana. Amsterdam: Fond imeni Gercena 1972. Serija "Biblioteka samizdata" No 4. 336 p.
- Petr Grigorenko: *Thoughts of a madman*. London: Souvenir Press Ltd. 1973.
- Petr Jakir: *Detstvo v tjur'me*. Memuary. Pred. J. Telesina. London: Macmillan Ltd. 1972. 152 p.
- Piotr Yakir: *Une enfance russe*. Préf. de J. Telessine. Paris: Editions Bernard Grasset 1972. 188 p.
- Peter Jakir: *Kindheit in Gefangenschaft*. Nachwort von H. Pross-Weerth. Frankfurt am Main: Insel Verlag 1972. 190 p.
- Peter Jakir: *Childhood in Prison*. Recollections. Ed. and intr. by R. Conquest. London: Macmillan Ltd. 1972. 156 p.
- Pjotr Jakir: *Jongensjaren in de gevangenis*. Amsterdam: Van Oorschot 1972. 136 p.
- Peter Jakir: *Childhood in Prison*. Edition in Hindi. 1973. New Delhi: National Academy. Publishing House 1973.
- Andrej A. Amalrik: *Udrži se Sovětský svaz do roku 1984?* Köln: Index 1971. 96 p.
- A. Amalrik: *Will the Soviet Union survive until 1984?* Edition in Japanese. Tokyo: Jiji Tsushin, Sha, Ltd. Publishers. 1970. 170 p.
- A. Amalrik: *Involuntary journey to Siberia*. Edition in Japanese. Tokyo: Heibon Sha 1972. 314 p.
- Julij Daniel: *Berichte aus dem sozialistischen Lager*. Ins Deutsche gebracht von W. Biermann. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag 1972. 72 p.
- Anatoly Marchenko: *Meu testemunho*. Rio de Janeiro: Edições 'O Cruzeiro' 1972. 310 p.
- Pavel Litvinov: *A manifestação na Praça Pushkin*. Intr. de K. van het Reve. Rio de Janeiro: Editora Lidador Ltda. 1972. 104 p.
- Pavel Litvinov: *The Demonstration in Pushkin Square*. Intr. by K. van het Reve. Boston: Gambit Inc. 1969. 176 p.
- The Trial of the Four*. The case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova. Compiled by Pavel Litvinov. Foreword by L. Schapiro. Ed. by P. B. Reddaway. New York: The Viking Press 1972. 434 p.
- Andrei Amalrik: *Nose! Nose? No-se! and other Plays*. Translated and intr. by D. Weissbort. New York: An original Harvest Book. A Helen and Kurt Wolff Book. Harcourt Brace Jovanovich, Inc. 1973. 228 p.

Книги опубликованные Фондом имени Герцена или в сотрудничестве с Фондом имени Герцена:

Издания на русском языке:

Андрей Амальрик: *Нежеланное путешествие в Сибирь*. Harcourt Brace Jovanovich Inc., New York 1970.

Андрей Амальрик: *Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?* Фонд имени Герцена, Амстердам 1989.

Андрей Амальрик: *Пьесы*. Фонд имени Герцена, Амстердам 1970.

Андрей Амальрик: *Статьи и письма, 1967-1970*. Фонд имени Герцена, Амстердам, 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 2

Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года. Сборник документов под редакцией Павла Литвинова. Overseas Publ. Interchange. London 1968.

Letters and telegrams to Pavel Litvinov, December 1967—May 1968. Edited and annotated by K. van het Reve. D. Reidel, Dordrecht 1969. Русский и английский текст.

Dear comrade: Pavel Litvinov and the voices of Soviet citizens in dissent. Edited and annotated by K. van het Reve Pitman Publishing Co., New York 1969. Русский и английский текст.

Процесс Четверых. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Фонд имени Герцена, Амстердам 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 1.

Программа Демократического движения Советского Союза. Фонд имени Герцена, Амстердам 1970.

Юлий Даниэль: *Стихи из неволи*. Фонд имени Герцена, Амстердам 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 3.

Рой Медведев: *Книга о социалистической демократии*. Фонд имени Герцена /Editions Grasset & Fasquelle, Амстердам/Paris 1972. 402 стр.

Политический дневник 1964-1970 (№ 3, 9, 25, 30, 33, 43, 46, 55, 63, 67, 72). Фонд имени Герцена, Амстердам 1972. 834 стр.

Петр Григоренко: *Мысли сумасшедшего*. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко. Пред. В. Цукермана. Фонд имени Герцена, Амстердам 1973. Серия «Библиотека Самиздата» № 4. 336 стр.

Татьяна Ходорович: *История болезни Леонида Плюща*, Фонд имени Герцена, Амстердам 1974. Серия «Библиотека Самиздата» № 5. 208 стр.

Фонд имени Герцена был создан 19 мая 1969 года в Амстердаме с целью издания рукописей из Советского Союза, имеющих возможности быть опубликованными там из-под цензуры.

Фонд издает рукописи и собрания документов, имеющие литературную или документальную ценность, независимо от политических, философских или религиозных взглядов их авторов или составителей. Фонд имени Герцена был создан в ответ на увеличившийся поток рукописей из Советского Союза и согласно пожеланиям различных советских граждан, стремящихся к независимому и научному изданию этих рукописей.

Членами Фонда являются: Ян Виллем Беземер, профессор русской истории в Амстердамском университете (Президент Фонда), Карел ван хет Reve, профессор русской литературы в Лейденском университете и Питер Брайан Реддавей, старший лектор по современной русской истории Института экономики и политических наук Лондонского университета.

Фонд имени Герцена назван в честь Александра Герцена (1812-1870), который был первым русским писателем, издававшим на западе книги и журналы без цензуры. Его издания широко читались в России и многие его читатели посылали ему рукописи для публикации. В среде советских интеллигентов имя А. Герцена пользуется большим уважением за его мужество и свободолюбие, за его интеллектуальную и политическую честность.

The Alexander Herzen Foundation has been legally established on May 19th, 1969, in Amsterdam. Its aim is to publish manuscripts written in the USSR which cannot be published there because of censorship.

The Foundation will publish manuscripts and collections of documents, which are of literary or documentary value, irrespective of their political, philosophical or religious tendency. It is a much needed response to the increasing flow of such manuscripts and to the wishes of various Soviet citizens who would like manuscripts to be published under independent and scholarly auspices.

The officers of the Foundation are Jan Willem Bezemer, professor of Russian history at the University of Amsterdam (President), Karel van het Reve, professor of Russian literature at the University of Leyden and Peter Brian Reddaway, Senior lecturer in modern Russian history at the London School of Economics.

Alexander Herzen (1812-1870) was the first Russian writer who published in the West books and periodicals without any censorship. His publications were widely read in Russia and many Russians sent him manuscripts. Among Soviet intellectuals his name is held in great esteem because of his courage and liberalism, his intellectual and political integrity.